

Акад. А. И. Тюменев

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА

*Очерк I. Постановка вопроса и данные античной традиции
об этногенезе греков*

Вопрос о населении Греции в микенскую эпоху неоднократно в течение последнего пятидесятилетия привлекал к себе внимание исследователей. Свыше 50 лет назад английский историк Риджуэй выдвинул чисто расистскую теорию этногенеза греков. Согласно этой «теории», микенская культура была создана доахейским населением (целастами), отличавшимся темным цветом волос и кожи; в отличие от темноволосых туземцев светловолосые ахейцы представляли арийское племя северян (близкое к кельтам), принесшее в Грецию свою родственную Гальштадтской культуру, а именно: железо, фибулы, геометрическую посуду, обряд сожжения трупов и пр. Появившись на почве Греции приблизительно за сто лет до времени Троянской войны, ахейцы усвоили язык туземцев и слились с ними. Господству ахейцев положило конец вторжение фракийско-иллирийского племени дорийцев¹.

Базируясь исключительно на археологических данных и совершенно игнорируя данные античной традиции, А. Эванс в 1912 г. выступил с речью², в которой, отрицая принадлежность микенской культуры грекам, развивал положение, что минойский Крит не только оказывал культурное влияние на континентальную Грецию, но и фактически занимал там господствующее положение. Согласно его точке зрения, правившие вплоть до XII столетия в Микенах и других центрах Арголиты династии по своему происхождению были минойскими. Соответственно Эванс предполагал, что и гомеровский эпос, воспевавший правителей этих династий, первоначально был составлен не на греческом, а на минойском языке и лишь позднее, возникнув в двуязычной среде, где минойцы были правящим слоем, а греки находились в зависимом положении, образуя основную массу населения, получил свое окончательное оформление на греческом языке.

¹ W. R i d g e w a y, The early age of Greece, т. I, 1901. II том издан посмертно в 1931 г. Еще до выхода первого тома в JHS за 1896 г. появилась статья Р и д ж у э я «What people produced the objects called mycenaean?», в которой были уже развиты основные положения его теории.

² A. E v a n s, The Minoan and Mycenaean elements in Hellenic life (Address of the President to the Hellenic Society, June 1912), JHS, XXXII (1912), стр. 227—297.

Точка зрения Эванса не получила признания. Некоторые исследователи, как Лиф¹ и позднее Майрс², говорят о господстве Крита на греческом континенте лишь в отношении более ранней эпохи, до появления здесь ахейцев. С рядом возражений против предполагаемого Эвансом господства Крита на континенте Греции выступил М. П. Нильсон³. Другие исследователи в вопросе об этногенезе греческого народа ближе держались античной традиции. П. Кретчмер⁴, исходя из анализа данных диалектов греческого языка, пришел к заключению, что первым эллинским племенем, утвердившимся в Греции, были ионийцы, за которыми последовали ахейцы, и, наконец, дорийцы. На основании лингвистических данных, в частности данных греческих диалектов, решается вопрос о догреческом и греческом населении в древнейшую эпоху и в небольшой статье Дебруннера⁵.

Особое внимание исследователей привлекал вопрос о племенной принадлежности фигурирующих в гомеровском эпосе ахейцев и данайцев. С одной стороны, Белох⁶ и вслед за ним Парети⁷ и Карштедт⁸, как известно, отождествляли ахейцев с дорийцами, которые обычно признаются наиболее чистыми и наименее подвергшимися смешению представителями греческой народности. Прентис, напротив, видит в ахейцах (как в северных, так и в пелопоннесских) иноземных пришельцев с о. Кипра и с южного побережья Малой Азии⁹. Вейль¹⁰ различает «ахейцев двух периодов»: сначала это доэллинское племя, прибывшее в Грецию из-за моря, затем, с появлением на территории Греции эллинов, тем же названием обозначается эллинское племя. Аналогичным образом и Кюни¹¹ считает имя ахейцев не индоевропейским, перенесенным затем на индоевропейцев, иммигрировавших в Грецию и ставшим их действительным наименованием.

Так же различно трактуется и термин «данайцы». Так, Холланд¹² противопоставляет наименование данайцев, не имеющее территориального значения, наименованиям ахейцев и аргосцев, связанным с определенной местностью, и видит в «данайцах» не племенное обозначение, но название правящего рода, прибывшего в Арголиду из Сирии. Главным аргументом в пользу этого последнего утверждения служит факт упоминания в письме Абимелека тирского (одного из участников Тель-Амарнской переписки) имени царя Дануна. Напротив, Майрс¹³ признает Даная

¹ W. Leaf, *Homer and history*, 1915, стр. 36 сл. и 243 сл.

² J. L. Myres, *Who were the Greeks?* Berkeley, 1930.

³ M. P. Nilsson, *Homer and Mycenae*, L., 1933, стр. 71—82. Обширный материал, дополняющий приводимые Нильсоном данные, содержит работа Н. L. Logier, *Homer and the documents*, L., 1950.

⁴ P. Kretschmer, *Zur Geschichte der griechischen Dialekte*, «Glotta», I (1909), стр. 9 сл.

⁵ A. Debrunner, *Die Besiedlung der alten Griechenland im Lichte d. Sprachwissenschaft*, NJKA, I (21) (1918), стр. 443—448.

⁶ G. Beloch, *Griechische Geschichte*, изд. 2, т. 2, стр. 90 сл.

⁷ L. Pareti, *Storia di Sparta arcaica*, I, Firenze, 1920.

⁸ U. Kahrsstedt, *Die Nationalität der Erbauer von Mykenae und Tiryns*, NJKA, 12(22)(1919), стр. 71—75.

⁹ W. K. Prentice, *The Achaeans*, AJA, XXXIII (1929), стр. 206—218. Прентис исходит при этом из своеобразного толкования Илиады (VI, 398 и 415) и из отождествления ахейцев с *ахийява* хеттских и *акайгаша* египетских текстов, в которых он, в свою очередь, видит народ, обитавший на южном берегу М. Азии. Предполагая иноземное происхождение ахейцев, Прентис, однако, говорит о полном растворении этих пришельцев среди основного населения страны (стр. 208).

¹⁰ R. Weill, JA, XIX, стр. 141—144, ср. «Syria», III (1922), стр. 27—38.

¹¹ A. Cuny, *Le nom des «Pélasgues» et celui d'achéens*, «Babyloniaca», IX (1926), стр. 9 сл.

¹² L. Holland, *The Danaoi*, «Harvard studies in classical philology», XXXIX (1928), стр. 59 сл.

¹³ Ук. соч., стр. 120, ср. стр. 332.

и данайцев представителями местного правящего рода. В своем толковании мифа о Данае он исходит из свидетельства Манефона, отождествляющего одного из многочисленных претендентов на египетский престол в смутное время по смерти Аменхотепа IV в середине XIV столетия с греком Данаем и видит в Данае предводителя наемников, изгнанного из Египта после неудачной попытки захватить власть. Аналогичное толкование того же мифа в более развитом виде дано было также в специальной статье Шахермейра, относящего, однако, события, нашедшие себе отражение в мифе, к значительно более раннему времени, именно ко времени изгнания гиксосов из Египта (первая половина XVI в.)¹. Шахермейр основывается на одной из версий античного предания, сообщаемой в схолиях к «Гекабе» Еврипида, ст. 886, согласно которой Данаи, царь Аргоса, изгнал своего брата Египта, удалившегося в Египет и давшего свое имя этой стране. Египет и его сыновья — это участвовавшие в изгнании гиксосов греческие наемники, которых их соотечественники по возвращении не хотели принять обратно. В дальнейшем термин «данаицы», по мнению Шахермейра, служил для обозначения более узкого круга населения, и именно «военного сословия» (Kriegerstand, стр. 345).

Французский исследователь Пуассон посвятил две статьи более частным вопросам о происхождении пелопидов и кадмейцев, которых он предпочитает называть «спартами». Вопрос о происхождении пелопидов решается им путем остроумного сопоставления имени отца Пелопса Танталя с именем одного из последних хеттских царей Tuthalijas, в котором первая гласная, согласно распространенному в Малой Азии произношению, должна звучать с носовым оттенком. В результате Пуассон не только в согласии с легендой ведет Пелопса из Малой Азии, но и сопоставляет его эмиграцию с кризисом, переживавшимся в то время хеттским царством². Менее остроумна была предложенная Пуассоном гипотеза происхождения Кадма и его спутников, которых он с помощью аналогичных, но менее удачных фонетических сопоставлений выводил из Лидии.³ Исидор Леви⁴ и Раймонд Вейль⁵ также выводили Кадма и его спутников не из Финикии, а из Анатолии, поскольку название Финикии в древнейшее время не имело определенной локализации, как позднее, но относилось вообще к побережью восточного Средиземноморья (еще в историческое время Кария иногда обозначалась как Финикия). О происхождении кадмейцев высказывались и иные мнения. Так, Майрс⁶ видел в прибывших с моря «людях с красным цветом кожи» минойцев, относя их прибытие в Беотию к 1400 г. и считая их не основателями, а реокупантами Фив. В 1949 г. появилась интересная книга английского историка-марксиста проф. Томсона⁷, в которой делается попытка на основании данных античной традиции осветить имевший место задолго до троянской войны процесс постепенного слияния путем племенных скреждений догреческих пеласгов⁸

¹ F. Schachermeyr, Welche geschichtliche Ereignisse führten zur Entstehung der mykenischen Kultur, «Archiv Orientalni», XVII, 2 (1949), стр. 331—350.

² G. Póissou, Tantale, roi des Hittites, RA, XXII (1925), стр. 75—94.

³ Видя в «спартах» легенды прежде всего племенное название, Пуассон сопоставлял его с названием лидийской столицы, которое в туземном произношении звучало как Sfard.

⁴ J. Levy, L'origine du nom de la Phénicie, «Revue de philologie», XXIX (1905), стр. 309 сл.

⁵ R. Weill, Phéniciens, égéens et hellènes dans la Méditerranée primitive, «Syria», II (1921).

⁶ Ук. соч., стр. 321—322.

⁷ G. Thomson, Studies in ancient Greek society. The prehistoric Aegean, L., 1949.

⁸ Именно орхоменских минойцев, которых Томсон, вопреки мнению Нильсона и др., признает пеласгами, а не греками.

с первыми греческими пришельцами, принадлежавшими к нерасчлененному еще эолийско-ионийскому племени (стр. 197), причем греками автор признает также и лапифов (там же, ср. стр. 265 сл.). Гипотетичность подобных предположений неизбежна, но, во всяком случае, следует отметить, что проф. Томсон также относит факт появления первых эллинских племен на почве Греции и эллинизации догреческого населения к Микенской эпохе.

Из советских работ, касающихся интересующей нас проблемы, можно указать на небольшую статью Р. В. Шмидт «Античное предание о дорийском переселении» (ВДИ, 1938, № 2, стр. 204—218), в которой вопрос о дорийском переселении рассматривался в полном соответствии с данными античной традиции, исходя из факта заселения Греции уже до дорийского переселения основными греческими племенами. Среди большинства других советских историков того времени по вопросу об этногенезе греческого народа господствовали, однако, глубоко неверные и антинаучные взгляды. На пути правильного разрешения проблемы стояло распространенное в то время, в частности, среди некоторых историков древней Греции, порочное учение Марра о скачкообразном развитии языка. Признавая аборигенность населения Греции, некоторые историки (Б. Л. Богаевский, К. М. Колобова и др.) различали, однако, в его развитии две стадии: 1) догреческую и 2) греческую, когда население Греции стало говорить на собственно греческом языке, причем между «греками» и «догреками» они видели не этническое, а чисто стадияльное различие. Придерживаясь такой точки зрения и в то же время разделяя отрицательное отношение теории Марра ко всяким миграционным процессам в истории, они не признавали не только иммиграции греческих племен, но и исторически засвидетельствованного факта дорийского переселения. Естественно, что с этой точки зрения совершенно игнорировались различия между отдельными греческими племенами существование которых на почве Греции признавалось античной традицией еще в догомеровскую эпоху.

Обзор различных мнений относительно племенного состава населения Греции в микенскую эпоху показывает, что никто из исследователей, не исключая и тех, которые, как Эванс, признавали носителями микенской культуры представителей минойских династий, не сомневался в принадлежности основной массы населения микенской Греции к греческой народности¹. Некоторые разногласия существовали лишь относительно времени первого появления греков в эгейской области². Характерно, что

¹ Для того чтобы найти высказывания в противоположном смысле, придется обратиться к последним двум десятилетиям прошедшего столетия, когда изучение крито-микенской эпохи или не начиналось еще или находилось в зачаточном состоянии. Так, Стефанн, *CRAI*, 1877, стр. 31 сл., и Шультце, *Eine kritische Untersuchung der Schliemannischen Altertümer*, 1880, не только не считали микенскую культуру созданием греков, но, относя памятники микенской культуры ко времени почти на два тысячелетия позже, видели в них произведения готов или герулов III—IV вв. н. э. Около того же времени за карийское происхождение микенской культуры высказывались Керлер, *Ath. Mitt.*, III (1878), стр. 1—13, Дюмлер, там же, XI (1886), стр. 44 сл.; XII (1887), стр. 1 сл., Студичка, там же. Несколько позднее Гельбиг развил гипотезу финкийского происхождения микенской культуры (W. Helbig, *Sur la question mycénienne*, «Extrait des mémoires de l'Ac. des inscr. et belles lettres», XXXV, 2, 1896); с возражениями против мнения Гельбига выступил Б. В. Фармаковский, *Микены и Финикия*, «Филологическое обозрение», т. XI, отд. I, стр. 127—156.

² Обычно этой датой признается начало II тысячелетия (ок. 1900 г.), см., например, G. Giotz, *La civilisation égéenne*, P., 1923, стр. 54; C. W. Vleeghen, *The coming of the Greeks*, AJA, XXXII (1928), стр. 153—154; J. L. Myers, ук. соч. Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, 1, 1928, стр. 221, отказывается решать этот вопрос. Так же осторожно высказывается и М. Р. Нилсон, *Homer and Mycenae*, стр. 85—86. С. Д. Виск по соображениям лингвистического характера предполагает более позднюю дату — около 1600 г. («Classical philology», XXI, 1926, стр. 1 сл.).

даже Грозный, пришедший к выводу, что надписи микенской эпохи, найденные на греческом континенте, писаны не на греческом, а на критском языке, но только не отрицал наличия среди смешанного населения микенской эпохи греков-ахейцев, но и признавал за ними господствующее положение¹.

Таким образом, факт принадлежности населения микенской Греции к эллинской народности до сих пор не вызывал сомнений. Однако в последнее время болгарский ученый Вл. Георгиев выступил с гипотезой, не признающей микенских ахейцев греками и связывающей время первого проникновения эллинских племен в Эгейскую область со временем так называемого дорийского переселения. Необычность выдвинутой Вл. Георгиевым гипотезы, делающей необходимым в случае ее признания коренной пересмотр начальных периодов истории Греции, заставляет отнести к ней с особым вниманием и самым тщательным образом рассмотреть те основания, на которых она строится. Развитию и обоснованию своей гипотезы Вл. Георгиев посвятил несколько вышедших в последние годы работ и статей². Наиболее последовательное изложение своей точки зрения Вл. Георгиев дает во второй части работы, посвященной дешифровке минойского письма³. Положения, развитые здесь, повторяются Вл. Георгиевым и в статье, опубликованной в ВДИ⁴. В первой из этих работ Вл. Георгиев более подробно останавливается только на неолитической и эллиадских эпохах, причем, следуя Хертлею, признающему лишь два вторжения через Македонию — в начале позднего неолита и затем в конце эллиадской эпохи, т. е. около 1200 года, видит в этом подтверждение своей точки зрения (стр. 59). Здесь, в отличие от статьи, опубликованной в ВДИ, уточняется как вопрос о прародине греков, так и время и обстоятельства их появления в южной части Балканского полуострова. До XIV—XIII вв. греки должны были обитать еще где-то в Югославии, Венгрии и Чехословакии (ук. соч., стр. 62). Из этих отдаленных мест и пришли греческие иммигранты в XII в., неся с собою новую культуру. «Вся микенская цивилизация была полностью уничтожена. Катастрофа эта закончилась появлением нового стиля — геометрического, а также элементов Bückelkeramik, характерной для лужицкой цивилизации» (стр. 61). По мнению Вл. Георгиева, большие массы чужеземных племен проникли в Грецию в тот самый момент, когда микенские вооруженные силы были заняты войной против Трои⁵.

Аргументы, приводимые Георгиевым в пользу своей точки зрения в работе о дешифровке минойского письма, в общем те же, что и в русской статье: возможность эллинизации по аналогии с латинизацией различных племен Италии («Годишник», стр. 62, ср. ВДИ, стр. 63) — аргумент сам по себе никакой обязательной силы не имеющий, тем более что различные племена, населявшие Италию, и не претендовали на общность проис-

¹ В. Грозный, Les inscriptions crétoises (Monographie archivé Orientálního, т. XII). Praha, 1949, стр. 110: «Les Achéens apparaissent ainsi comme véritable mélange de tous les peuples et races de l'Égée et de l'Orient ancien — peu différents sans doute à ce titre, des habitants mêmes de la Crète — ensemble dans lequel, finalement, les grecs achéens auraient conquis la prépondérance».

² Ср. более раннюю работу того же автора «Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur» («Годишник», 1936 г.).

³ Вл. Георгиев, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, «Годишник», X (1948—1949), стр. 1—66.

⁴ Вл. Георгиев, История Эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей. ВДИ, 1950, № 4, стр. 48 сл.

⁵ Но античные авторы говорят как раз об относительной малочисленности вторгшихся в Пелопоннес дорийцев, см. об этом ниже, стр. 27 и 43.

хождения, тогда как различные греческие племена признавали факт своей принадлежности к единой эллинской народности; отсутствие упоминаний о дорийцах, эолийцах и ионийцах в гомеровском эпосе (упоминание ионийцев в XIII песне Илиады признается позднейшей вставкой)¹; противопоставление фессалийских эллинов (панэллинов) ахейцам во второй песне Илиады, хотя и относящейся к наиболее поздним ее частям, но получившей окончательное оформление, когда будто бы сохранялось еще воспоминание об этническом различии между греческими племенами и ахейцами². В статье ВДИ эти аргументы дополнены еще ссылкой на додонских селлов, в которых Вл. Георгиев думает видеть предков эллинов³. Особое значение придает проф. Георгиев сопоставлению этнонимических обозначений и прежде всего сопоставлению имен *аданавана* (*дануна*) и гомеровских данайцев⁴.

Некоторые из приведенных доводов более обстоятельно развиваются Вл. Георгиевым в двух специальных статьях. Одна посвящена доказательству предположения, что упоминание ионийцев в тринадцатой песне Илиады (ст. 685) представляет позднейшую интерполяцию⁵, в другой более обстоятельно проводятся этнонимические сопоставления имен пеласгов и филистимлян (египетское *пелести*, евр. *пелити*) и данайцев с *аданавана*, одним из хеттских племен, обитавшим в восточной Киликии с центром в Каратепе и говорившим на хеттском иероглифическом языке. Родиной тех и других Георгиев признает Крит и микенскую Грецию, откуда они в течение микенской эпохи и в особенности в конце XII в. выселились на восток. Факт эмиграции критян в южную часть финикийского побережья, действительно, хорошо засвидетельствован еврейскими и иными источниками. Но предположение относительно переселения греческих «данайцев» из Греции в область народа аданавана (в районе Каратепе) не имеет оснований в источниках⁶.

Слабую сторону аргументации, с помощью которой Вл. Георгиев пытается обосновать свое основное положение о позднем появлении греков на территории Греции, представляет ее крайняя односторонность. Вл. Георгиев — лингвист и в своих работах оперирует почти исключительно лингвистическими данными. Определяя задачу исследования, Вл. Георгиев говорит: «Я попытаюсь трактовать проблему переселения греков в свете новых концепций относительно доэллинского языка, принимая во внимание результаты новейших археологических исследований» («Годишник», стр. 52). Но лингвистические данные в этой области остаются все еще крайне шаткими, так как вопрос о характере и типе догреческих языков исследован еще далеко недостаточно. Что же касается археологических данных, то проф. Георгиев использует их сравнительно мало, ограничиваясь главным образом ссылками на работы Хертлея. Несколько больше привлекает он археологию при решении вопроса о первоначальном

¹ «Годишник», стр. 63; ср. ВДИ, стр. 63.

² «Годишник», стр. 65; ВДИ, стр. 66.

³ См. критику этого предположения ниже, стр. 38.

⁴ «Годишник», стр. 63—64; ВДИ, стр. 64. Здесь уместно сослаться на приводимый в подтверждение возможности перенесения названия одного племени на другие, говорящие на ином языке, самим Георгиевым пример французов, говорящих на одном из романских языков, но получивших свое наименование от названия германского племени франков (ВДИ, стр. 65). Точно так же и название данайцев (собственно это не племенное название, а обозначение династии) получено было от восточных пришельцев, как о том свидетельствует миф о Данае, см. об этом ниже, стр. 32—33.

⁵ Вл. Георгиев, Zur Ethnogenese des griechischen Volkes. Die Ioner und die Ilias, «Списание на болгарската академия на науките», LXXI (1950), стр. 195—208.

⁶ См. V. Georgiev, Sur l'origine et la langue des Pélasgues, des Philistins, des Danaens et des Achéens, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», т. I, 2 (1950), стр. 136—141; относительно данайцев см. ниже, стр. 33 сл.

месте обитания греков. Однако археологические аргументы, приводимые им в этом случае, вызывают серьезные возражения. Геометрический стиль в керамике и кремация трупов, которыми, по мнению проф. Георгиева, характеризуется новая принесенная греками культура, уже давно взяты под сомнение и частью опровергнуты. Еще в 1910 г. Сам Виде, публикуя результаты раскопок саламинского некрополя¹, применил к саламинской керамике термин «протогеометрическая», видя в ней связующее звено между микенским и геометрическим стилем. Однако он выдвинул при этом ошибочную гипотезу, считая геометрический стиль возвращением к домикенскому «мужицкому стилю» (Bauernstil). Крайности его точки зрения не были приняты, но представление о постепенном переходе от микенского к геометрическому стилю получило признание. Майрс в своей книге «Who were the Greeks» посвятил вопросу о геометрическом стиле особый раздел (стр. 473—515), причем приходил к выводу о «естественном переходе от микенского стиля к геометрическому в результате чисто стилистического развития». Известно, что геометрический стиль получил наиболее полное развитие не в Пелопоннесе, послужившем непосредственным объектом вторжения, но в Аттике и в других областях (вплоть до Кипра), менее или вовсе не затронутых миграцией «новых» племен. Раскопки некрополей в Афинах послемикенского времени дают возможность проследить постепенное развитие стилей субмикенского и геометрического, переходящего затем в геометрический². Историю развития геометрического стиля в Афинах, признавая также его происхождение от микенского и субмикенского, дает П. Каане³. Факт возникновения геометрического стиля в результате постепенного развития из стиля микенского представляется в настоящее время, можно сказать, общепризнанным. Его разделяют и такие специалисты, как Прашикер, Хертлей и др. Не менее спорным представляется утверждение относительно распространения обряда кремации в связи с приходом северных племен. Сомнение в этом высказывал еще Майрс (ук. соч., стр. 445, стр. 380 сл.). Милонас⁴ приходит к выводу, что обряд кремации не был привнесен завоевателями, но заимствован от троянцев. Лоример⁵ объясняет распространение кремации прежде всего неустойчивыми условиями времени и вынужденной массовой эмиграции общественных верхов и отрыва их от прежней родины. Как, однако, ни объяснять факт возникновения и распространения обычая кремации, предположение о связи этого факта с приходом «новых» племен представляется наименее вероятным. За это говорит то обстоятельство, что обычай кремации ранее всего, уже с самого момента катастрофы микенской культуры распространяется в Аттике⁶, а также в местах, совершенно не затронутых дорийским переселением (Нолофон и др.).

Совершенно недостаточно привлекаются проф. Георгиевым и данные античной традиции. Несколько используемых им мест из Илиады, Фукидида и Аристотеля, как будет показано ниже, толкуются неправильно.

Проблема этногенеза греческого народа может быть разрешена лишь в результате всестороннего ее изучения и анализа всех видов источников

¹ Ath. Mitt., 35 (1910), стр. 17—36 и табл. V—VI.

² См. W. Kraiker u. K. Kübler, Die Nekropolen des 12 bis 10 Jahrh., Kerameikos, B., 1939, стр. 138.

³ P. Kahane, Die Entwicklungsphasen der attisch-geometrischen Keramik, AJA, XLIV (1940), стр. 464—482.

⁴ G. Mylonas, Homeric and Mycenaean burial customs, AJA, LII (1948), 1, стр. 80—81.

⁵ H. L. Lorimer, Homer and the documents, L., 1950, гл. III.

⁶ См. W. Kraiker u. K. Kübler, ук. соч.

и прежде всего данных античной традиции. Ведь греки интересовались своим прошлым не менее современных исследователей. В своих преданиях и сказаниях они хранили воспоминание о героической эпохе своей истории, события той же героической эпохи составляли содержание народного эпоса греков; совершенно невероятно, чтобы эпос греков воспевал героев чуждого народа, тем более народа, разгромленного и обращенного в рабство, культуру которого сами греки разрушили. Позднейшие греческие писатели никогда не выражали сомнения в принадлежности населения Греции додорийского времени к греческой народности. Если Фукидид и говорит, что во время Троянской войны эллины еще не носили этого имени, то сам он все же называет их эллинами (I, 3).

Античная традиция признавала автохтонность ионийцев и, хотя Геродот и признает их эллинизированными пеласгами (I, 57, ср. VII, 94; VIII, 44), однако, поскольку автохтонность ионийцев Аттики противопоставлялась миграциям других эллинских племен¹, такая эллинизация должна была совершиться задолго до миграции конца XII в. Согласно генеалогическим преданиям об эпонимах эллинских племен, Ион и Ахей первыми проникают в среднюю и южную Грецию, тогда как Эол и Дор остаются на своей прародине в северной Фессалии. Конечно, это предание представляет собою искусственную реконструкцию, но реконструкция эта восходит, по крайней мере, ко времени Гесиода, а возможно, и ранее, и, следовательно, мы вправе предполагать, что в основе ее лежали представления о действительной последовательности передвижений эллинских племен. Даже в критском Миносе античная традиция склонна была видеть эллина². Диодор, «Историческая библиотека» которого представляет не более, как компиляцию из трудов историков предшествовавшего времени, дает обстоятельный обзор истории Греции в додорийскую эпоху. Известны попытки установить основные хронологические даты этих событий. Мало того, представители греческой и эллинистической науки непосредственно занимались также и вопросами происхождения и распределения отдельных диалектов греческого языка. Впервые интерес к вопросам языка проявляется уже в V в., когда возникают первые языковые теории. Более систематическим изучением различных диалектов занимались александрийские филологи в связи с изданием и комментированием литературных текстов различного времени, но из многочисленных диалектологических трактатов александрийского периода не сохранился ни один, и мы узнаем об их содержании лишь из позднейших компиляций³.

Античная традиция сохранила, таким образом, немало данных относительно древнейших периодов истории Греции, в частности относительно греческих племен и их распределения на территории Греции в додорийскую эпоху. К обзору этих данных мы и должны прежде всего обратиться.

Наиболее полную и развернутую картину образования и развития основных племен и диалектов, как она рисовалась самим грекам, находим мы у Страбона. Ввиду существенного значения этого известия приведу его полностью: «В Элладе есть много племен, но древнейших из них столько, сколько мы знаем эллинских диалектов, а этих последних четыре: ионийский (*Ἰώνος*) мы считаем тождественным с древним аттическим, потому что древние жители Аттики назывались ионийцами. Из Аттики вышли ионийцы в качестве колонистов в Азию, говорили они на том самом наречии,

¹ Her., I, 56—57; ср. Thuc., I, 2.

² Diod., IV, 60; ср. диалог Платона «Минос» и др.

³ См. сб. «Античные теории языка и стиля», 1936, вступительный очерк И. М. Троицкого, стр. 13 и примечания, стр. 142—143.

которое теперь называется ионийским (ἰωνικὴ γλῶττα). Дорийский (диалект) мы считаем тождественным с эолийским, потому что все народы, живущие по ту сторону перешейка (οἱ ἔκτος Ἰσθμοῦ), за исключением афинян, мегарян и дорийцев в области Парнасса, называются и теперь эолийцами. Весьма вероятно, что дорийцы, которых было немного и которые населяли суровую страну, не сообщаясь с другими, изменили язык и нравы до такой степени, что стали не единоплеменны (с эолийцами), составляя прежде одно племя. То же самое случилось с афинянами, которые также занимали почву тощую, каменистую, не подвергались неприятельским вторжениям и считали себя поэтому автохтонами, как утверждает Фукидид, ибо никто не вытеснял их из населяемой ими страны и не замыслил овладеть ею. Это именно обстоятельство и было, по всей вероятности, причиной, почему афиняне, несмотря на малочисленность, сохранили и свой язык и свою народность. С другой стороны, когда эолийцы господствовали в областях по ту сторону перешейка, то жители и по сю сторону перешейка (т. е. в Пелопоннесе. — А. Т.) были также эолийцы; потом они смешались (с другими племенами); когда ионийцы из Аттики овладели Эгиалеей, а дорийцы были приведены Гераклидами, те дорийцы, которые заселили Мегары и основали многие пелопоннесские города. Вскоре после этого ионийцы были вытеснены ахейцами, народом эолийского племени, и в Пелопоннесе остались две народности (ἔθνη) эолийская и дорийская. Все те жители Пелопоннеса, которые имели менее сношений с дорийцами, как аркадяне и элейцы, из которых первые жили в горах и не подверглись разделу (дорийцами), а последние, будучи посвящены олимпийскому Зевсу, долгое время пребывали в покое, к тому же были эолийского племени и приняли к себе шедшие с Оксилом военные отряды во время возвращения гераклидов, говорили на эолийском (диалекте). Остальные же пользовались языком, смешанным из обоих (диалектов) эолийского и дорийского, у одних более, у других менее приближавшимся к эолийскому. Почти до настоящего времени жители разных городов говорят различно, хотя и существует (ошибочное) мнение, что все они пользуются дорийским диалектом, вследствие преобладания дорийцев» (Strabo, VIII, 1, 2, стр. 333 сл.)¹.

Из этого очерка можно видеть, что у древних греков существовали вполне сложившиеся и определенные представления как относительно единства греческой народности, так и по вопросу об образовании отдельных диалектов еще в додорийскую эпоху. Ионийцы еще задолго до дорийского переселения занимали не только Аттику, но и область северного Пелопоннеса Эгиалею. Весь Пелопоннес и области «по ту сторону Истма» заселены были эолийскими племенами, причем к числу этих племен относились и ахейцы, не образовавшие особой диалектической группы. Дорийцы в течение долгого времени жили изолированно в области Дориде. Так обстояло дело до начала дорийского переселения. Вторжение дорийцев в Пелопоннес имело своим последствием, с одной стороны, вытеснение оттуда ионийцев, с другой — более или менее полную доризацию всего населения Пелопоннеса (за исключением Аркадии и Элиды), в результате чего образовался ряд смешанных эолийско-дорийских наречий².

¹ Цитировано по переводу Мищенко с некоторыми изменениями.

² Деление греческого языка на четыре диалекта было общепризнанным в древней Греции. С эллинистического времени к четырем диалектам добавился еще пятый «общий» диалект (κοινὴ). Так, в позднем анонимном трактате «О диалектах», представляющем собою краткое извлечение из работы Иоанна Филопона (VI в. н. э.), различаются пять диалектов — аттический, ионийский, дорийский, эолийский, общий, причем отмечаются различные разновидности в отношении отдельных диалектов; в числе трех разновидностей эолийского диалекта был, по видимому, и ахейский (аркадо-кипрский) язык (см. сб. «Античные теории...», стр. 142—143).

Уже одного этого свидетельства Страбона, содержащего, так сказать, квинтэссенцию древнегреческой науки о диалектах, достаточно, чтобы усомниться в правильности гипотезы проф. Георгиева. Но сообщаемые Страбоном сведения о распределении греческих племен и диалектов в до-дорийское время могут быть значительно расширены и дополнены данными, почерпнутыми из других источников. Рассмотрим эти данные по отдельным племенным группам. Начнем с ионийцев.

Краткое сообщение Страбона о занятии ионийцами Эгиалеи в северном Пелопоннесе в значительной мере дополняется сведениями, почерпнутыми из других источников¹. Из других же источников мы узнаем, что, помимо Эгиалеи, ионийцы занимали в Пелопоннесе ряд других областей — область Эпидавра, где до прихода дорийцев правил сын Иона Питирей², область Трезена, о чем свидетельствует то место, какое эта область занимала в аттических мифах и легендах³, также Мегариду на Истме⁴. Таким образом, не только северное, но и все северо-восточное побережье Пелопоннеса было занято ионийцами. Геродот сообщает, что ионийцы первоначально жили также и в Кинурии (прибрежной области между Арголой и Лаконией), причем они сохраняли свой племенной характер и язык и только после прихода дорийцев, попав под власть Аргоса, были доризированы (VIII, 73). Известно, что, подобно жителям Аттики, Геродот и ионийцев Кинурии называет автохтонами. Это не значит, конечно, что именно самое племя ионийцев составляло исконное население страны. Ионийцев потому и считали автохтонами, что видели в них эллинизированных пеласгов. Геродот (I, 56) прямо называет афинян пеласгическим народом; пеласгами он признает также и ионийцев Эгиалеи, причем те и другие получили свое наименование ионийцев от их общего эпонима Иона⁵. На основании всех этих сообщений можно видеть, что в представлении древних греков именно ионийцы были первым эллинским племенем, пришедшим в соприкосновение с пеласгами, населявшими среднюю и южную Грецию⁶.

Данные о происхождении ахейцев содержат миф о сыновьях Эллина. Миф этот, как уже указывалось выше, восходит ко времени Гесиода и даже ранее, и потому за вымышленными именами племенных эпонимов и их странствованиями можно видеть воспоминание о первоначальных перемещениях отдельных племен. Из сыновей Эллина, владевшего Фтиотидой, Эол и Дор остаются на родине, в то время как третий сын Ксуф, изгнанный братьями, нашел убежище в Афинах, где женился на дочери царя Эрехтея Креусе и имел от нее двух сыновей — Иона и Ахея⁷. Ион, как мы видели, сделался эпонимом ионийцев, аттических и эгиалейских; относительно же Ахея существуют две версии: по одной Ахей возвратился в отцовские владения в Фтиотиде, и только его сыновья — Архител и Архандр прибыли из Фтиотиды в Аргос, где сделались зятьями царя Даная, женившись на его дочерях. «Когда сыновья Ахея получили большую силу в Аргосе и Лакеде-

¹ Н е г., I, 145; VII, 94; P a u s., VII, 1, 3; S t r a b o, VIII, 7, 1, стр. 383.

² P a u s., II, 26, 1 (Spiro); ср. VII, 4, 2.

³ См. М. Р. Nilsson, *Mycenaean origin of Greek mythology*, L., 1932, стр. 166 сл.

⁴ S t r a b o, III, 5, 5, стр. 171; IX, 1, 5, стр. 392.

⁵ Относительно эллинизации пеласгов-ионийцев см. Н е г., I, 57. Афиняне первоначально назывались крапсями, затем некропидами, наконец, по имени Иона — ионийцами (Н е г., VIII, 44); относительно эгиалейских ионийцев см. Н е г., VII, 94; ср. S t r a b o, VIII, 7, 1, стр. 383—384.

⁶ Ср. противопоставление у Страбона в приводившейся выше цитате двух первоначальных основных групп диалектов — аттическо-ионийской и эолийско-дорийской.

⁷ S t r a b o, VIII, 7, 1, стр. 383; A p o l l o d., I, 7, 3.

моне, то жившие там люди стали называться ахейцами, и это имя вытеснило другие названия. Это название было общим для этих обоих народов, аргивяне имели специальное имя— данаи» (Paus., VII, 1, 6—7)¹. Согласно другой версии, передаваемой Страбоном (VIII, 7, 1, стр. 383), Ахей, сын Ксуфа, совершив нечаянное убийство, бежал в Лаконику. У Страбона (VIII, 5, 5, стр. 365) находим и третью версию, по которой Аргос и Лаконику занимает не Ахей, но фтиотийские ахейцы с Пелопсом во главе. Из того факта, что Ахей удаляется сначала на север, и только его сыновья попадают в Пелопоннес, можно сделать заключение, что, согласно античной традиции, ахейцы заняли Пелопоннес несколько позже, нежели ионийцы Аттику и северные области Пелопоннеса². С другой стороны, то обстоятельство, что генеалогический миф выделяет Иона и Ахея в качестве сыновей Ксуфа, свидетельствует не о большей племенной общности ионийцев и ахейцев (Страбон, как мы видели называет ахейцев эолийским племенем), но об их более ранней эмиграции с общей прародины.

Коренной областью, занятой эолийскими племенами, признавалась средняя и северная Греция к северу от Истма. В частности, Фессалия носила первоначально название Эолиды; Беотия до прихода в нее северо-западного племени беотийцев также являлась эолийской областью³. Фукидид свидетельствует, что первоначально и южная часть Этолии, где находился известный по связанным с ним героическим сказаниям г. Каллидон, также была занята эолийцами (III, 102, 5). Страбон, как мы видели, признавал, что весь Пелопоннес в додорийское время занят был эолийскими племенами, и это должно относиться не только к «эолийскому племени» — ахейцам; если восточные и юго-восточные области Пелопоннеса — Арголида и Лакония заняты были ахейцами, то западную часть полуострова заселили другие эолийские племена. Это видно и из того обстоятельства, что предания относительно заселения западного Пелопоннеса связываются непосредственно с сыновьями или с потомками Эола. Так, один из сыновей Эола Перизр владел Мессенией (Apollod., I, 9, 5); ему наследовал его сын Левкиш. Внуку Эола (сыну Кретея) Амитаону приписывалось проживание в Пилосе (Apollod., I, 9, 11). Спустя некоторое время, в Мессению прибыла новая волна эолийских колонистов: отец Нестора Нелея вместе с ахейцами, фтиотийцами и эолийцами вступил с вооруженной силой (*ἐστράτευσεν*) в Пелопоннес и, проникнув в Мессению, вновь основал или занял там г. Пилос (Diod., IV, 68, 3)⁴. В Элиду прибыл из Фессалии и сын Эола Салмоней со многими эолийцами и основал там город Салмону⁵. Сыну Эола Сизифу приписывалось основание Эфиры (будущего Коринфа) (Apollod., I, 9, 3), причем Сизиф был отцом Главка и дедом Беллерофонта. Фукидид признает

¹ Цитировано по переводу С. П. Кондратьева. ■

² В этой версии предания находит себе отражение также факт разделения ахейцев на северных — фтиотийских — и пелопоннесских.

³ Фукидид (VII, 57) еще в пятом веке относил население Беотии к эолийскому племени.

⁴ Попытка Грозного («Les inscriptions crétoises», стр. 328—329), вопреки данным античной традиции, с помощью более чем сомнительных лингвистических толкований вывести род Нелеидов из Малой Азии, превратив его в какую-то помесь из хеттов и вавилонян, совершенно фантастична. Прочитав (а чтение это, как увидим, очень мало заслуживает доверия) два названия местечек, относимых им к Пелопоннесу, а именно, Налу-танарий (?) и Налу-рута (?), он сопоставляет части этих названий «рута» с именем хеттской богини охоты Rutaš, в которой видит прообраз греческой Артемиды, а «налу» с вавилонским словом *nalu* = *biche* (лань — священное животное Артемиды) и, идя далее, от той же вавилонской «лани» производит и имя Нелея (*nalu*— Νηλεύς)(?!).

⁵ D i o d., IV, 68, 1; Apollod., I, 9, 7. Салмоней, сын Эола, упоминается и в Одиссее (XI, 236); ср. H e s., fr. 7 (Rzach).

население Коринфа в додорийскую эпоху эолийским¹. Мало того. Потомки Эола, в лице сыновей Амитаона — Бианта и Мелампа, утвердились в самом Аргосе, принадлежавшем до тех пор потомкам Даная²; от Бианта власть перешла к его сыну Адрасту и в конце концов к внуку последнего, герою Троянской войны, Диомеду, который также, таким образом, оказывается эолийцем.

На основании всех приведенных свидетельств мы можем убедиться, что, согласно античной традиции, уже в додорийскую эпоху вся Греция была густо заселена греческими племенами (за исключением дорийцев, остававшихся пока в Дориде и к северу от нее): ионийцы занимали Аттику, Мегариду, северный и северо-восточный Пелопоннес, область Киннурию, эолийцы — Фессалию, Беотию, область Коринфа и в Пелопоннесе Элиду и Мессению, ахейцы (также «эолийское племя») — Арголиду и Лаконику.

Таковы были области, занятые греческими племенами в континентальной Греции. Из Одиссеи (XIX, 175) известно, что на Крите рядом с другими местными племенами обитали также ахейцы. В результате торговых связей, установившихся между микенской Грецией и странами Востока, на южном побережье М. Азии и на о. Кипре возникает ряд поселений ахейцев из Арголиды и Лаконики, а также аркадян и др. Воспоминания об основании этих поселений сохранились в античной традиции. Так, основание Пафоса на Кипре приписывалось аркадцу Агапенору, попавшему на Кипр во время его возвращения из троянского похода³; Курий был основан аргосцами (Her., V, 113), Голги — сикионцами (Steph. Byz., s. v.), Лапатос — лаконцами⁴. О том, что все эти поселения возникли на Кипре еще в додорийское время, свидетельствуют как местное наречие (аркадо-кипрское, близкое к древнеахейскому, см. «Очерк II»), так и ряд местных обозначений, как наименование мыса 'Αχαιῶν ἄκτις, как обозначение прорицателей словом ἀχαιομόντις⁵; один из кипрских городов носил название Лакедемон (Steph. Byz., s. v.); на Кипре существовал культ Аполлона Амиклейского (Амиклы — древний центр Лаконии, как известно, долгие остальной территории державшийся против дорийцев). Воспоминание об ахейских колониях на южном побережье М. Азии сохранилось в названии киликийцев — Παχαιοί (Her., VII, 91), воспоминание о связях с Ликией — в мифе о Беллерофонте (Hom., II, VI, 168 сл.). Если термин «ахийява» имел какое-либо отношение к греческим ахейцам, то только именно к жителям этих поселений, сохранивших, как мы видели, имя ахейцев⁶.

Наконец, и относительно дорийцев античное предание также сообщает сравнительно полные и определенные сведения. Вспомним прежде

¹ Th u s., IV, 42, 2: Δωρῆδες... Κορινθίους ἐπολέμουν οὖσιν Αἰολεῦσι.

² Appollod., I, 9, 12; ср. Hom., Od., XV, 225 сл.

³ Paus., VIII, 5, 2; ср. Her., VII, 90.

⁴ Strabo, XIV, 6, 3, стр. 682; Lycophr., 586 сл.

⁵ Hesch., s. v. В одной местной силлабической надписи грек с Кипра назван ахейцем; эта надпись цитируется в кн.: Meillet., Aperçu d'une histoire de la langue grecque, изд. 2-е, P., 1920, стр. 60.

⁶ Попытка Прентиса (см. выше), извращая факты, представить дело таким образом, будто не микенские ахейцы колонизировали южное побережье М. Азии, а, напротив, ахейцы с Кипра и из М. Азии эмигрировали в Грецию, притом как в область Фтиотиду, так и на Пелопоннесский полуостров, представляет настолько искусственное построение, что совершенно не приходится говорить о ней серьезно. Притом же, исходя из факта упоминания ахийява в хеттских и ахайява в египетских памятниках XIII в., Прентис определяет дату появления ахейцев в Греции не ранее XII в., а, может быть, и еще позже, т. е. одновременно с дорийцами.

всего, что говорит о них Страбон. Он не только признает принадлежность их к одной народности с остальными греческими племенами, занимавшими всю территорию Греции уже до времени дорийского переселения, но в то же время устанавливает большую близость их с эолийским племенем и, в частности, следовательно, с «эолийским народом» ахейцев¹. Он ничего не знает о приходе дорийцев с севера, но, напротив, говорит о том, что они в течение долгого времени жили в Дориде; наконец, он специально отмечает их малочисленность, что подтверждается и другими источниками (см. ниже) и исключает возможность отождествлять дорийцев со всем греческим народом, как это делает Вл. Георгиев.

У других авторов находим более полные сведения относительно древнейшей истории дорийцев. Геродот сообщает подробности об их первоначальном местопребывании: «При царе Девкалионе дорийцы занимали область Фтиотиду, а при Доре, сыне Эллина, область у подножья Оссы и Олимпа, называемую Гестиэотидой; отнесенные кадмейцами, они поселились на Пинде под именем македнов², впоследствии перешли в Дриопиду, а из Дриопиды, наконец, в Пелопоннес, где и названы были дорийцами» (Нер., I, 56³). Те же сведения о древнейшем местопребывании и перемещениях дорийцев находим и в других источниках (между прочим и у более раннего автора, как Пиндар)⁴. Из сопоставления всех этих данных можно видеть, что первоначальное направление перемещений дорийцев, согласно античной традиции, происходило не с севера на юг, а, напротив, с юга на север. Исходным пунктом так называемого дорийского переселения, послужившего толчком для дальнейших миграций среди греческих племен, античная традиция признавала последнюю занятую дорийцами область — Дориду, которую Геродот, например, называет метрополией пелопоннесских дорийцев⁵. Здесь же в Дориде⁶, согласно преданию, происходила и неудачная для дорийцев война с лапифами, в которой помощь дорийцам оказал Геракл, что и повлекло за собою сближение дорийцев с его сыновьями, гераклидами⁷.

В античной традиции имеются, правда, сомнительные, указания также и на то, что, помимо Дориды, дорийцы уже в эпоху, предшествовавшую их общему переселению, проникли на Крит. У античных авторов мы находим ряд свидетельств относительно переселения на Крит части дорийцев с их прародины в Фессалии задолго до общего дорийского переселения, поскольку это переселение на Крит связывается с именем Тектама, сына эпонима дорийцев Дора⁸. Отправным пунктом была Гестиэотида; в качестве спутников Тектама наряду с дорийцами указываются также эолийцы или ахейцы и пеласги. Скит (ук. соч., стр. 53 сл.) признает все это сооб-

¹ Любопытно, что П л а т о н (Leg., III, 682d—e) непосредственно отождествляет дорийцев с ахейцами. Белох и Карштедт, таким образом, уже в древности имели своего предшественника.

² Первоначальное название македонов, приписываемое Геродотом дорийцам, объясняется, повидимому, соседством области Гестиэотиды с Македонией.

³ В другом месте (VIII, 31) Геродот отождествляет Дриопиду с Доридой; ср. также VIII, 43.

⁴ Относительно вытеснения дорийцев кадмейцами с их прародины — см. D i o d., IV, 67; о пребывании их в Гестиэотиде — S t r a b o, X, 4, 6; S t e p h. B y z., s. v. Δωρίς (Δωρίων). О поселении на Пинде — P i n d., Pyth. I, 65—66 и схолии к этому месту.

⁵ Н е р., VIII, 31; ср. S t r a b o, IX, 4, 10.

⁶ Д и о д о р С и ц и л и й с к и й (IV, 37, 3) называет Гестиэотиду.

⁷ Свод данных об этой войне см. Th. Cr. S k e a t, The Dorians in archaeology, Appendix, стр. 65 сл. События этой войны, как известно, послужили поводом к возникновению эпоса о дорийском царе Эгимии.

⁸ S t r a b o, X, 4, 6, стр. 475 (со ссылкой на Андрона); D i o d., IV, 60.

щение позднейшей реконструкцией, созданной специально для объяснения упоминания в Одиссее среди населения Крита дорийцев, ахейцев и пеласгов. Не все исследователи настроены, однако, столь же скептически, и, например, Майрс допускает историчность этого факта. Возможно, что во время вытеснения дорийцев из Гестивэотиды главная масса их направилась в область Пинда, часть же удалилась за море. Большое сомнение в историчности этого сообщения вызывает, однако, то обстоятельство, что в числе участников похода названы именно те же племена, что и в Одиссее.

Население микенской Греции, как известно, не было однородным. Наряду с проникшими сюда еще в додорийское время греческими племенами, в состав его входили, с одной стороны, остатки местного догреческого населения, в значительной мере эллинизированного, с другой стороны, иноземные пришельцы, иммигрировавшие из стран Востока. И этот смешанный характер населения также нашел себе отражение в античной традиции. Если во многих областях, как в Аттике и других местностях, занятых ионийцами, догреческое население — пеласги — было полностью эллинизировано, то в отдельных случаях оно, повидимому, долее сохраняло и известную независимость и свои племенные особенности. Так, в Аркадии правила местная династия, родоначальником которой признавались Пеласг и его сын Ликаон (Paus., VIII, 1, 4; 2, 1 сл.). В Лаконике также в течение долгого времени (до Тиндарея) держалась местная династия, о чем свидетельствует эпонимическое имя ее родоначальника Лелек¹. Эпоним Лелек упоминается также в Мегариде (Paus., I, 39, 6; 44, 3). Лелегами признавал локрийцев Геспод (у Strabo, VII, 7, 2, стр. 322); от лелегов происходили также телебы в Акарнании (Аристотель у Страбона, там же).

В известных мифах о Данае и данаидах в Аргосе, о Кадме и кадмейцах в Фивах, о Пелопсе и пелопидах сохранилось воспоминание о прибытии иммигрантов с Востока в микенскую Грецию и слиянии их с местным населением. Мифы эти, как мы видели, не раз привлекали внимание исследователей, занимавшихся вопросом этногенеза греческого народа, и служили основанием для различных более или менее остроумных толкований и предположений. С другой стороны, именно в этих мифах находят свое объяснение такие этнонимические сходства, как обозначение хеттского племени *аданавана* и микенских данайцев, сопоставление которых является главным аргументом проф. Георгиева в пользу его гипотезы о негреческом населении додорийского времени. С рассмотрения этого мифа мы и начнем.

Распространенная версия мифа говорит о прибытии Данаея из Египта. Попытки увязать сообщаемые мифом подробности с действительными событиями из истории Египта (например, Шахермеяра, Майрса и др.²) малопелесообразны и вряд ли способны привести к цели³. Наиболее суще-

¹ Paus., III, 1, 1 и 12, 5; ср. Apollod., III, 10, 3; Steph. Byz., s. v. Λαχεδαίμων.

² Предположение Нильсона, что Данаиды это египетские пленницы, захваченные во время нападения *данауна* на Египет, убившие своих хозяев и затем бежавшие (M. P. Nilson, *Mycenaean origin of Greek mythology*, стр. 64), совершенно произвольно; притом оно не учитывает ни личности Данаея, ни слишком поздней даты египетских текстов, если видеть в Данае основателя династии правителей Аргоса. В посмертном наказании Данаид (наполнение водой бездонных бочек) обычно видят естественный миф, олицетворяющий источники и реки Арголиты, нередко пересыхающие летом. Уже в древности миф о Данаидах связывали с орошением Данаем или его дочерью засушливой почвы Арголиты с помощью устройства колодцев (Strabo, VIII, 6, 8, стр. 371).

³ В частности, попытки Шахермеяра и Майрса тем более неудачны, что они исходят из предположения о местном происхождении Данаея на основании указаний случайного позднего источника (см. выше).

ственным для решения вопроса о происхождении Даная представляется сообщение в письме тирского царя Абимелека Аменхотепу III (ЕАм, 151, 22, около 1400 г.) о смерти царя Дануна, которому наследовал его брат. Холланд на основании этого письма искал родину Даная не в Египте, а в Сирии (см. выше). Эд. Мейер¹, исходя из того, что в этом письме идет речь не только о Сирии, но и об Угарите и о Кадеше, распространяет его содержание также и на эгейскую область и видит в *дануна* непосредственно греческих данайцев. В настоящее время, с нахождением при раскопках в Каратепе и прочтением билингвы, написанной на хеттском иероглифическом и финикийском языках, местонахождение Дануна может быть установлено с точностью, поскольку билингва составлена от имени царя страны Аданауа (в финикийском тексте Дануна)². Область Дануна (Каратепе) находилась в самой восточной части Киликии, несколько к северу от Сирии³. Таким образом, она действительно оказывается в районе, охватываемом письмом Абимелека. Показательно, что все эти области связаны генеалогическим мифом воедино: Бел, как сказано, признавался отцом Даная и Египта, а его брат Агенор — отцом Феникса, эпонима финикийцев, Киликса, эпонима киликийцев, и Кадма, эпонима кадмейцев. Если эти *дануна* (*аданауа* билингвы, *аданавана* хеттских памятников) действительно имели какое-либо отношение к греческим данайцам, то лишь такое, о каком повествует миф о Данае: часть этих *аданавана* (*дануна*) эмигрировала в Грецию, где положила начало аргосской династии и затем слилась с местным населением. Эмиграция эта могла последовать в результате неудачного столкновения с египтянами, чем, быть может, и объясняется миф о преследовании «дочерей Даная» «сыновьями Египта» (ср., например, типичные для древности библейские выражения «сыны Израиля», «дочери Израиля»).

Уже то обстоятельство, что наименование данайцев заимствовано было с Востока, показывает, что никакого собственно греческого племени с этим названием никогда не существовало⁴. Данай изображается в мифе в качестве основателя династии Данаидов, и лишь позже имя данайцев было распространено также и на подданных этой династии⁵. Эпонимом населения Арголиты и Лакедемона был Ахей, и именно ахейцы и было пле-

¹ Ed. Meyer, GdA, II, 2, стр. 224 и прим. 2.

² См. Н. Th. Bossert, Die phönizisch-hittitischen Bilinguen von Karatepe, «Oriens», Leiden, 1948, стр. 165 сл.; см. там же обзор раскопок в Каратепе; Halet C a n b e l, Karatepe, Istanbul, 1946, стр. 147—162. Билингва датируется концом IX в., см. И. Н. В и д н и к о в, Новые финикийские надписи из Киликии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 92; ср. P e t e r s o n, The phoenician inscription of Karatepe, «Acta Orientalia», т. 21, ч. I (1950), стр. 33—56, — здесь билингва датируется IX—VIII в., однако существование народности и государства Аданавана (Дануна) засвидетельствовано письмом Абимелека еще для XIV в.

³ Ввиду того, что связь имени Даная и данайцев можно считать прочно установленной, нет необходимости искать объяснения и оправдания античной версии о прибытии Даная непосредственно из Египта, как это делает проф. Томсон (ук. соч., стр. 379 сл.). Возможно, что эта версия находила себе объяснение в факте распространения власти Египта и на финикийское побережье.

⁴ Высказанное Вл. Г е о р г и е в ы м специально в подтверждение его теории, но само по себе ничем несобоснованное предположение (ВДИ, 1950, № 4, стр. 67) о выселении данайцев из Греции в М. Азию опровергается как фактом принадлежности языка *аданавана* к группе хеттских языков, так и фактом отсутствия каких-либо следов письма, аналогичного хеттскому иероглифическому, в Греции. К тому же, как известно, хеттское племя *аданавана* (*дануна*) занимало район Каратепе много ранее.

⁵ Ср. P a r e - B e n s e l e r, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, I, 1911, в. v.: «eigentlich die Unterthanen des Danaos, damit insbesondere die Einwohner von Argos».

менным обозначением этого населения. Об этом прямо, как мы видели, говорит Павсаний, когда он признает общим названием населения Арголиты — имя ахейцев, имя же данайцев особым наименованием для жителей Аргоса. Из всего этого нетрудно видеть, что племенным названием было ахейцы, аргосцы (аргейцы Гомера) — обозначением их же по месту жительства, наконец, данайцы — по подданству. Поскольку же именно ахейцы и их правители возглавляли поход под Трою, в гомеровском эпосе все эти обозначения распространительно применялись в отношении всего греческого ополчения.

О другом случае иммиграции с Востока сообщает миф о Кадме. Здесь идет речь уже не об основании династии, а о вторжении целого племени, захватившего власть в Беотии и занявшего в ней господствующее положение. Предание о Кадме рано обросло различными мифическими и сказочными подробностями. Уже у Еврипида (*Phoen.*, 638 сл.) миф о Кадме передается в почти вполне сложившемся виде. Оставляя в стороне сказочные элементы предания, остановимся на содержащемся в нем историческом зерне. По свидетельству Геродота (V, 57—59), убийцы Гиппарха происходили от тех «финикиян», которые пришли в страну, именуемую теперь Беотией, вместе с Кадмом и заняли доставшуюся на их долю Танагрскую область; изгнанные оттуда беотийцами, они нашли убежище в Афинах. Попутно Геродот сообщает о принесенном финикийцами искусстве письма, которого до тех пор эллины не знали¹. Более обстоятельно о смене племен в результате прихода Кадма «с финикийским войском» говорит Павсаний (IX, 5, 1, ср. X, 35, 5). «Финикийцы» нашли здесь два племени — гигантов и аонов, которые, по мнению Павсания («как мне кажется»)², принадлежали к местному беотийскому племени; из этих двух племен гиганты были разбиты и должны были удалиться в Фокиду, аоны, жившие в то время в деревнях, остались на месте вместе с «финикийцами», основавшими город, который и теперь еще (во времена Павсания) называется Кадмеей. Страбон (IX, 2, 3, стр. 401) сообщает, что Кадм укрепил (*εὐσχυίσεν*) Кадмею и передал власть своим наследникам. Из сопоставления всех этих данных видно, что кадмейцы овладели страной насильственно и, обосновавшись в укрепленном центре Кадмее, установили здесь наследственную царскую власть в роде Кадма. Сопровождавшие Кадма «финикийцы» сделались родоначальниками местных знатных родов (в том числе и упоминаемых Геродотом Гефиреев). Воспоминание об этом сохранилось в мифической версии предания, согласно которой выросшие из зубов дракона и уделевшие от побоища пять героев сделались родоначальниками фиванской знати. Вспомним, что кадмейцам приписывалось и изгнание дорийцев с их первоначальной родины. В кадмейцах античная традиция видела, таким образом, иноземных завоевателей, притом более культурных по сравнению с местным населением, поскольку они сообщили эллинам искусство письма и многие другие знания. Возможно, впрочем, что введение письма приписывалось «финикийцу» Кадму лишь на том основании, что греческий алфавит происходил из Финикии.

Античная традиция называет Кадма «финикийцем». Обычно этому определению не придается значения. Современные исследователи пытались установить иное место его происхождения; Пуассон выводил Кадма из Лидии: Майрс — с Крита (см. выше). Оба эти предположения, как было показано выше, одинаково неудачны. Античная традиция, повидимому,

¹ В другом месте Геродот (II, 49) называет Кадма тирийцем; тирийцем называет его также и Еврипид в цитированном выше месте из «Финикиянок».

² Это мнение Павсания противоречит известному факту более позднего вторжения беотийцев.

не так уж далека от истины, поскольку, согласно генеалогическому мифу, кадмейцы оказывались в ближайшем родстве с финикийцами (см. выше). Проф. Томсон (стр. 376) высказывает предположение (и, повидимому, не без основания) о возможном пути Кадма через Крит, который, как известно, имел связь с Финикией (Угарит).

Такой же характер насильственного вторжения имела, повидимому, и иммиграция Пелопса в получивший от него свое имя Пелопоннес. Прибытие его в Пелопоннес (область Элиды) относится к значительно более позднему времени по сравнению с иммиграцией Даная и Кадма, поскольку Пелопс был дедом Агамемнона и Менелая. Предание о Пелопсе сохранило сравнительно полные и определенные сведения как относительно его родины, так и относительно обстоятельств его эмиграции. Фукидид (I, 9, 2) ведет его из Азии. Большинство других источников определяет место происхождения Пелопса более точно, называя родиной Пелопса Лидию или Фригию¹. Местоположение царства Тантала, отца Пелопса, определяется и еще точнее. Именно, в горах Сипила (в долине реки Герма) указывалась его могила, которую видел Павсаний (II, 22, 3)². На вершине Сипила находилась скала, в которую была превращена дочь Тантала и сестра Пелопса Ниоба (рассказ о которой встречается уже в гомеровском эпосе — II, XXIV, 614 сл.)³. Традиция сообщает сведения не только о местопребывании Пелопса в Азии, но также и об обстоятельствах, вынудивших его эмигрировать. Богатства отца Пелопса Тантала, как известно, вошли в древности в поговорку, именно унаследованным Пелопсом от отца богатствам Фукидид (I, 9, 2) со ссылкой на «лиц, получивших от предков самые достоверные предания о судьбах Пелопоннеса», приписывает прежде всего успех Пелопса в Пелопоннесе. Пуассон сделал остроумную догадку о тождестве имени Тантала с именем одного из последних хеттских царей Тутхалии (см. выше). Сам Пуассон, однако, на том основании, что у Тутхалии не было сыновей с именем Пелопса, высказывает предположение, что Пелопс не был сыном Тантала, но просто предводителем партии эмигрантов. Однако, не говоря уже о том, что у Тутхалии мог быть сын с аналогичным именем, оставшийся нам неизвестным, более вероятно в самом Тантале видеть не хеттского царя, но его вассала с таким же именем, относительно широко распространенным среди хеттов, тем более что центр царства Тантала (в районе Сипила) находился достаточно далеко от столицы хеттского царства.

¹ Лидийцем называет Пелопса Пиндар (Olymp., I, 24, 38). У Афинся (XIV, II, стр. 648e) также приводится сообщение, что Пелопс был лидийцем, но что власть его отца простиралась и на соседние области фригийцев. Фригийцем признают его Бахиллид, 8, 31—32 (Snell), Геродот (VII, 8 и 11), Страбо (VII, 7, 1, стр. 324); Диодор определяет первоначальное местожительство Пелопса в Азии в районе Пафлагонии (IV, 74). Изображается Пелопс (в вазовой живописи) обычно во фригийской шапочке; ср. также Philostr., Imagines, I, 17 (изд. 1936 г., стр. 42 и 43). Томсон, дающий обстоятельный обзор и анализ преданий о Пелопсе, склонен видеть в народе Пелопса «анатолийскую ветвь ахейцев, усвоивших хеттскую культуру» (стр. 408). Эта интересная мысль, однако, вряд ли может быть оправдана, так как никаких данных о более или менее прочном занятии ахейцами собственно области на западном побережье Малой Азии нет. Упомянутая в хеттских памятниках область Ахийява, в которой можно видеть область, занятую ахейскими колонистами, расположена была на южном, а не на западном (тем более на северо-западном) побережье Малой Азии.

² И по сведениям, сообщаемым у Афинся (там же), царство Тантала помещалось в районе Сипила.

³ Существуют различные версии относительно пребывания Пелопса в Беотии (Strabo, VIII, 4, 4, стр. 360) и о прибытии его в Пелопоннес из Фтиотиды (Strabo, VIII, 5, 5, стр. 365), возможно, конечно, по пути из Лидии. Схолии к Пиндару (FHG, IV, стр. 345) называют его ахейцем из Олена.

Павсаний сообщает, что царствование Тантала в Сипиле закончилось благополучно, но сын его, изгнанный из своей области фригийцем Илом, должен был эмигрировать из Азии (Paus., II, 22,3). Традиция сообщает сведения и относительно пути, которым следовал Пелопс по пути в Грецию, именно через остров Лесбос (Theopomp., fr. 339). Возможно, что дальнейший его путь лежал через Фтиотиду и Бэотию (см. стр. 35, прим. 3). У Страбона находим сообщение, что Пелопс прибыл в Пелопоннес со своим «народом» (VII, 7,1, стр. 324): Πέλοπος μὲν ἐκ τῆς Φρυγίας ἐπαγαγόμενος λαόν. Повсюду в Пелопоннесе и особенно в Лакедемонне встречались большие насыпные могилы (υῤῥατα), которые назывались погребениями фригийцев Пелопса (Athen., XIV, 21, стр. 648e). От спутников Пелопса были переняты фригийский и лидийский лады в музыке (там же). Пелопс, благодаря богатству и военной силе, расширил свои владения и приобрел такое влияние, что по его имени весь полуостров получил свое название¹. Помимо Элиды, он овладел частью Лаконики, где основал несколько городов (Strabo, VIII, 4, 4, стр. 360). Потерпев неудачу в походе против аркадского царя Стимфала, он все же коварством захватил последнего и убил (Apolod., III, 12, 6.). Если уже Пелопсу удалось приобрести такое влияние, то его сын Атрей, благодаря свойству с Еврисфеем, по смерти последнего становится царем крупнейшего центра всей Греции — Микен, а сын Атрея и внук Пелопса Агамемнон, изгнавший из Микен временно завладевших ими Физста и Эгисфа, становится наиболее могущественным царем всей Греции и главой всего греческого ополчения под Троей. На примере Пелопса и его сыновей и внуков можно видеть, какого влиятельного положения в микенской Греции достигали иноземные пришельцы. Однако, с другой стороны, не следует и преувеличивать значение этого обстоятельства: Атрей и тем более Агамемнон могли занять господствующее положение среди массы основного населения страны лишь после того, как они полностью освоили местный язык и нравы.

Обзор данных античной традиции показывает, что сами древние греки не только не сомневались в том, что население Греции до начала дорийского переселения было греческим, но и имели достаточно полные и определенные представления относительно отдельных греческих племен в микенскую эпоху.

Обратимся теперь к рассмотрению данных гомеровского эпоса. Проф. Георгиев придает большое значение тому обстоятельству, что в Илиаде действуют ахейцы, данайцы, аргосцы, но ничего не говорится о дорийцах (? — дорийцы оставались в это время еще в отдаленной Дориде и не участвовали в троянском походе) и эолийцах, об ионийцах же упоминается только в одном, и притом, как утверждает автор, интерполированном позднее месте. Но ведь Илиада и Одиссея — не трактат о греческих диалектах. В них действуют отдельные племена, а не основные племенные группы. Если обратиться к истории Греко-персидских войн Геродота или истории Пелопоннесской войны Фукидида, то и там точно так же речь идет об афинянах, спартанцах, коринфянах, фиванцах, а не о дорийцах, эолийцах, ионийцах (поскольку речь не идет о жителях Ионии). Ахейцы (названия аргейцев и данайцев, как показано выше, были лишь иным обозначением того же племени) составляли одно из таких племен, принадлежащих к эолийской группе, и если именно названия этого племени распространительно применялись в отношении всего греческого ополчения под Троей, то прежде всего потому, что именно это племя занимало гос-

¹ Pind., Nem., 2, 20 сл.; Bacch., 1, 13—14 (Snell); Her., VII, 8, 11; Thuc., I, 9, 2; Eurip., fr. 515 (Nauck).

подствущее положение в стране и, в частности, в походе. Единственным греческим племенем в Илиаде Вл. Георгиев признает эллинов Ахилла, племя, которое обитало около Додоны в Эпире и «к середине XIII в.... переселилось в юго-западную Фессалию» (ВДИ, 1950, № 4, стр. 65) (но откуда это известно?). Однако Ахилл стоял во главе не только эллинов, но также мирмидонян и фтиотийских ахейцев. Следовательно, он объединял под своею властью не только разноплеменные группы, но и совершенно чуждые одна другой народности. Такова точка зрения проф. Георгиева. Но не такова была точка зрения самих авторов поэмы, не проводивших никакой грани между эллинами, с одной, — и мирмидонянами и ахейцами, — с другой стороны. Так, например, в IX песне Илиады (395) мы читаем: «много ахейнок есть и в Элладе и в счастливой Фтии» (πολλὰ Ἀχαιοὺς εἰσὶν ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίῳ τε). В XVI песне (595 сл.) об одном из павших в битве греков говорится: «долгоживущий в цветущей Элладе, счастьем он и богатством блистал среди мужей мирмидонских». Мы видели, что не только Ахилл был греком-эллином, но и многие другие известнейшие герои Троянской войны происходили непосредственно от Эола и, таким образом, были эолийцами, т. е. греками (например, Диомед, Нестор); Аякс Теламонид приходился по отцовской линии двоюродным братом «эллину» Ахиллу.

Нетрудно, наконец, убедиться, что и то место, где речь идет об ионийцах и которое проф. Георгиев считает интерполированным, на самом деле не интерполировано, но принадлежит к основному тексту поэмы и относится к ионийцам-афинянам. Предпочагая, что в стихе 685 XIII песни слова Ἴωνες ἑλικυίτῳνες интерполированы по образцу гомеровского гимна Аполлону (стих 147: ἑλικυίτῳνες Ἴωνες), проф. Георгиев предлагает заменить их другими, именно: Ἀβαντες χαλκοχίτωνες¹. Однако из контекста данного места видно, что именно упоминание абантов здесь менее уместно, нежели ионийцев. В строках 685—686 перечисляются племена и ополчения, участвовавшие в отражении натиска Гектора, — беотийцы, иаоны (ионийцы), локрийцы, фтийцы, эпейцы. Далее снова перечисляются все эти племена с описанием того участия, которое каждое из них принимало в бою, причем вместо иаонов (ионийцев) названы афиняне; таким образом, не остается сомнения в том, что именно афиняне в данном случае и названы ионийцами (относительно абантов во всем этом отрывке совершенно нет речи). Более оснований поэтому предполагать, что не стих Илиады интерполирован по образцу гимна Аполлону, а, напротив, этот последний повторяет эпитет, примененный к ионийцам в Илиаде.

В подтверждение своего тезиса о том, что ахейцы не были греками (эллинами), проф. Георгиев ссылается на противопоставление ахейцев панэллинам в стихе 530 второй песни Илиады, где говорится, что Аякс Оилеев в искусстве метания копья превосходил всеэллинов (панэллинов) и ахейцев. В этом противопоставлении ахейцев панэллинам Георгиев хочет видеть «вспоминание того времени, когда этническое различие между греческими племенами и ахейцами еще существовало, т. е. того времени, когда ахейцы еще не были эллинизированы» (ВДИ, 1950, № 4, стр. 65—66). Объяснения такого противопоставления следует искать не в воспоминании «об этническом различии», но в самом содержании данного места (так называемого «каталога кораблей»). Поскольку все это место представляет собой перечень племен, участвовавших в осаде Трои, применение имени ахейцев в распространительном его значении представляется неуместным

¹ См. Вл. Георгиев, Zur Ethnogenese des griechischen Volkes. Die ioner und die Hias, «Списание на болгарската академия на науките», LXXI (1950), стр. 202—203.

и встречается в «каталоге» лишь в отношении одного из аргосских ополчений (562) и северных ахейцев из Фтии (684). С другой стороны, к тому более позднему времени, к которому относится эта часть поэмы, обозначение всех греческих племен, как эллинов, в первоначальной форме «панэллинов», вошло уже в общее употребление¹. В ахейцах, таким образом, в данном случае мы должны видеть ахейцев в узком смысле, т. е. собственно племя ахейцев, выделявшееся среди прочих участников похода в качестве племени-гегемона, в панэллинах же — остальные племена греческого ополчения под Троей². В параллель можно указать в Одиссее аналогичные, но более определенные противопоставления Эллады Аргосу. В одном месте Пенелопа говорит о своем супруге, «столь преисполнившим славою своей и Элладу и Аргос» (Od., I, 344); в другом случае Менелай, обращаясь к Телемаку, говорит: «Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу, сам я тебе проводник» (Od., XV, 80—81).

Помимо гомеровского эпоса, проф. Георгиев думает найти оправдание своей точки зрения в словах Фукидида, что «Эллада, во всей своей совокупности, и не носила еще этого имени, что такого обозначения ее вовсе не существовало раньше Эллина, сына Девкалиона, но что названия ей давали по своим именам отдельные племена, преимущественно пеласги» (Thuc., I, 3,2). Однако, не говоря уже о том, что генеалогический миф об Эллине относится ко времени, намного предшествовавшему Троянской войне, из дальнейших слов Фукидида, опущенных проф. Георгиевым, видно, что греческий историк признавал племена, населявшие Грецию, эллинами. «Точно так же, — говорит Фукидид, — Гомер не употреблял и имени варваров, потому, мне кажется, что сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров. Итак, эллины, жившие отдельно по городам, понимавшие друг друга и впоследствии названные всеобщим именем, до Троянской войны по слабости и отсутствию взаимного общения, не совершали ничего сообща. Да и в этот-то поход они выступили вместе уже после того, как больше освоились с морем».

Мало действительна и ссылка на тексты, называющие окрестности Додоны в Эпире «древнейшей областью Эллады» (ВДИ, 1950, № 4, стр. 65). Уже давно доказано, что цитируемое место «Метеорологии» Аристотеля (I, 14, стр. 352) представляет собой испорченный и недостоверный текст³. Еще менее может иметь значения ссылка на такой поздний источник, как сходили к Илиаде, XXI, 194. В обоих случаях мы имеем дело с домыслами, основанными на сопоставлении имен селлов и эллинов.⁴

¹ Наименование эллинов (в первоначальной форме панэллинов) встречается уже у Гесиода, Труды и дни, 528, ср. fr. 26 (51) (Rzach) у Strabo, VIII, 6, 6, стр. 370. Гесиоду уже известна и генеалогия эпонимов эллинских племен — Эллина и его сыновей, см. *κατάλογος τῶν γυναικῶν*, fr. 7 (Rzach).

² Видеть в панэллинах фессалийских эллинов нет никаких оснований, так как при таком толковании остается непонятым, почему это небольшое, едва упоминаемое и не играющее никакой роли в Илиаде племя противопоставляется ахейцам, с другой стороны, почему оно называется не просто эллинами, но «всеэллинами».

³ См. J. Müller, *Hellas*: 1) *Ängbliche Landschaft von Dodona*, RE, VIII, 158 (1913).

⁴ Правда, Томсон (ук. соч., стр. 398), исходя из того же сомнительного места «Метеорологии» Аристотеля (и потому не с большим основанием), признавал гомеровских эллинов пришельцами из области Додоны, однако, в отличие от Георгиева, он не только не противопоставляет при этом эллинов Ахилла ахейцам, но признает и тех и других, равно как и бегийцев (также без особых оснований), ветвями одного племени, обитавшего в горах Эпира. Ср. также стр. 388: *The Myrmidons were a tribal league composed of Achaeans and Hellenes*. Указание на Додону, как на прародину Ахилла, Томсон (стр. 397—398) видит в обращении его к додонскому Зевсу. И с этим аргументом, однако, трудно согласиться: во-первых, Ахилл называет в данном слу-

Вопрос об употреблении наименований Эллада и эллины интересовал также уже и самих древних греков и, хотя по этому вопросу и среди них существовало расхождение во мнениях, однако самый вопрос для них заключался не в том, были ли герои гомеровского эпоса эллинами, а лишь в том, назывались ли уже они этим именем. Свидетельство об этих разногласиях находим мы у Страбона. «Об Элладе, эллинах и панэллинах существует разногласие. Фукидид утверждает, что Гомер нигде не употребляет слово „варвары“, потому что в то время эллины не обозначались еще единым именем в противоположность не-эллинам. По мнению Аполлодора, эллинами у Гомера называются только жители Фессалии, называвшиеся мирмидонянами и вместе эллинами. По мнению того же писателя, Гесиод и Архилох называли уже эллинами и панэллинами всех греков... Другие на это возражают, что у Гомера встречается слово „варвары“, так как карийцев он называет „говорящими по-варварски“, и что эллинами у него назывались все греки» (Strabo, VIII, 6, 6, стр. 370).

Не менее полную и развернутую картину дает античная традиция и по вопросу о миграциях XII в. Между тем в работах проф. Георгиева эти данные игнорируются и сообщения античной традиции относительно переселения дорийского племени подменяются общей иммиграцией эллинов, притом не разделенных еще на основные племенные группы.

У Геродота (VII, 20) находим сообщение о набеге мисийцев и тевкров, которые из Азии через Боспор проникли в Европу и, пройдя Фракию, достигли берегов Ионийского моря и реки Пеней в Фессалии. Набег этот Геродот относит еще ко времени до Троянской войны. Движение это, повидимому, было связано с теми обширными миграциями, которые привели к падению хеттского государства. Возможно, что это движение в какой-либо мере отразилось на миграционных процессах, начавшихся на почве Греции с середины XII в., однако определенно утверждать этого нельзя¹.

Не останавливаясь на этом вопросе, обратимся к рассмотрению данных античной традиции о миграциях собственно эллинских племен. Миграция в Греции началась с продвижения фессалийского племени (из группы северо-западных, близких к дорийскому племени) из области Феспротии (в юго-западном Эпире) (Her., VII, 176)². Фессалийцы заняли об-

чае Зевса не эллинским, а пеласгическим божеством, во-вторых, вряд ли правильно рассматривать обращение Ахилла к додонскому Зевсу не как к общему божеству греков, особо чтимому в Додоне, но как к своему родовому предку, также и по тому, что из проводимой самим Томсоном родословной Ахилла (стр. 388) можно видеть, что происхождение его рода связано не с Додоной, а с Эгиной. Происхождение Аякса Теламонида, приходившегося двоюродным братом Ахиллу, также ведет к соседней с Эгиной остров Саламин.

¹ Th. Cr. S k e a t, The Dorians in archaeology, стр. 41 сл., приписывает вторжение мисийцев и тевкров значение непосредственного толчка, вызвавшего общую миграцию внутри греческого континента; однако приводимые им в пользу этого доказательства не могут не вызывать сомнения. Геродот говорит о приходе этих племен из Азии и до Троянской войны; Скит же реконструирует это движение с севера от Дуная и относит его ко времени после Троянской войны. Геродот говорит (см. ниже) о нападении фессалийцев на Эолиду из Феспротии (южный Эпир), а Скит переносит исходный пункт движения фессалийцев в северный Эпир, приписывая это движение давлению со стороны мисо-тевкров. Эд. Мейер, GdA, II, 2, стр. 569, предполагает, что Геродот ошибочно говорит о движении мисийцев и тевкров из Азии, исходя при этом из позднейшего их местопребывания там.

² Исходным пунктом движения фессалийцев называли Эфиру в Феспротии (Strabo, IX, 5, 23, стр. 444). Некоторые из древних авторов отождествляли Эфиру с фессалийским городом Кранноном, утверждая, что таково было прежнее название города, однако такое утверждение, представлявшее не более, как лезть по адресу местного правящего рода Скопадов, лишено всякого основания; ср. Th. Cr. S k e a t, ук. соч., стр. 51. Историк-компилатор II. в. н. э. Харакс сообщает даже имя вождя вторгшихся в Арну фессалийцев, называя его Апятом (St e p h. В у z., s. v. Δωρις).

ласть Эолиду, которая с этого времени по их имени стала называться Фессалией; Фукидид относит это событие к 60 году после Троянской войны. Под давлением фессалийцев беотийцы (также северо-западное племя) должны были покинуть г. Арну в южной Фессалии и окончательно заселили Беотию, называвшуюся до того кадмейской землей (Thuc., I, 12,3). Сообщая об этом, Фукидид в то же время замечает, что беотийцы частично занимали Беотию и ранее, принимая участие в троянском походе¹.

Несколько позже, в 80 г. после падения Трои (Thuc., I, 12,3) начинается так называемое переселение дорийцев, в котором приняли участие, однако, не одни дорийцы, но также и другие северо-западные племена (говорившие на близком дорийском диалекте) и прежде всего этолийцы. Античная традиция, как известно, связывает вторжение дорийцев на Пелопоннесский полуостров с преданием о возвращении Гераклидов, и у нас нет никаких оснований не видеть в содержании этого предания исторического зерна в виде династической борьбы внутри правивших в Арголиде родов². Само собою разумеется, причины массовых переселений были гораздо глубже, но в качестве повода или предлога для начала переселения и факт «возвращения Гераклидов» мог сыграть свою роль. Более глубокие причины, как известно, были указаны еще Фукидидом. Причины той легкости, с какою возникали передвижения, он видит прежде всего в слабом развитии земледелия и в тяге к более плодородным землям Фессалии, Беотии, Пелопоннеса (за исключением Аркадии), и эта тяга, очевидно, должна была становиться тем сильнее, чем дальше подвигалось разложение первобытно-общинного строя и чем большую роль в качестве основной отрасли производства начинало играть земледелие. Таким образом, миграции XII в. Фукидид рассматривает исключительно как местные явления, порожденные местными же причинами. Никаких воспоминаний о каких-либо дальних или более широких племенных передвижениях античное предание не сохранило³.

В особо тяжелом положении оказывались в это время дорийцы, вытесненные из прежних мест поселения и зажатые в горной бесплодной местности, какою была Дорида. Поскольку ближайшие плодородные области, Беотия и Фессалия, были уже заняты, взоры дорийцев, естественно, должны были обратиться на не менее плодородные области Пелопоннеса, причем вполне возможно, что именно связь с Гераклидами не только направила их стремления в эту сторону, но и послужила благоприятным предлогом для осуществления этих стремлений. Подробности преданий о возвращении Гераклидов показывают настойчивость, с какою они пы-

¹ Фукидид, очевидно, имеет в виду соответствующее место Каталога кораблей (II., II, 494—510), согласно которому беотийцы занимали территорию позднейшей Беотии, причем Арна также числится еще среди беотийских городов (стих 507).

² Эд. Мейер крайне скептически относится к преданию о возвращении Гераклидов, которое он называет «жалчайшим (armseligstes) продуктом греческой литературы» (GdA, II, 1, стр. 569—570), не приводя, однако, в пользу такого скепсиса никаких оснований. Против такого чрезмерного скептицизма, разделяемого и многими другими исследователями, выступил G. Vitalis, Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden, Greifswald, 1930, стр. 56 сл. Исходя из того факта, что предание о Гераклидах предполагает еще существование мирных добрососедских отношений между Спартой и Аргосом, он приходит к заключению, что предание это сложилось не позднее начала VII в., а может быть, и значительно ранее и, таким образом, может рассматриваться wenigstens in den Hauptpunkten als historische Quelle. Со своей стороны, напомним, что уже Тиртей говорит о приходе Гераклидов в Пелопоннес (fr. 2) и называет спартанских дорийцев потомками Геракла (fr. 8).

³ Относительно причин миграции XII в. ср. Р. В. Шмидт, Античное предание о дорийском переселении, ВДП, 1938, № 2, стр. 53 сл.

тались осуществить эти свои намерения. Согласно преданию¹, преследуемые Еврисфеем, сыновья Геракла находят убежище в Афинах; с помощью афинян они добиваются победы над Еврисфеем, павшим в битве, однако укрепиться в Пелопоннесе им не удается, после чего они обращаются за помощью к дорийцам. Во время первого похода, закончившегося поединком Гилла с Эхемом и смертью Гилла, против Гераклидов, которым на этот раз помогали дорийцы, на защиту Истма выступили не только пелопоннесские ахейцы, но также и ионийцы (Нер., IX, 26). Этот первый поход имел место еще за 10 лет до начала Троянской войны. Повторные же нападения (также, очевидно, с помощью дорийцев) сына Гилла Клеодея и внука Аристомеха также успеха не имели. Только около ста лет спустя (по традиционной хронологии, которую дает Фукидид, 80 лет после падения Трои, т. е. в 1104 г.²), притом в совершенно иных условиях и иным путем, произошло, наконец, успешное вторжение в Пелопоннес и завоевание его дорийцами. На этот раз дорийцы предпринимают поход уже не одни, а в союзе с некоторыми северо-западными племенами и прежде всего с этолийцами. Теперь дорийцы направились не в сторону Истма, где они несколько раз терпели неудачу, а к местечку Навпакту, на берегу Коринфского залива. Выбору этого пункта нападения, вероятно, способствовало также и участие на этот раз в нападении этолийцев, на территории которых находился Навпакт³. Полиэн (I, 9) в числе других стратегем рассказывает о хитрости, примененной Теменом: чтобы обмануть пелопоннессцев, он послал к ним перебежчиков из локрийцев, которые должны были сообщить, будто Гераклиды находятся с флотом в Навпакте, но не с целью переправы, а с намерением сделать высадку десанта на Истме. Обманутые пелопоннессцы устремились к Истму, и Темен легко овладел Рионом, расположенным на противоположном берегу Коринфского залива. Дальнейший путь завоевателей намечается традицией также вполне определенно. Этолийцы с Оксилем во главе заняли плодородную область Элиды и, по всей вероятности, не участвовали в продолжении похода⁴. Путь дорийцев в Арголиду лежал через Аркадию (Paus., V, 4, 1). Характерна подробность, что Оксил, бывший проводником дорийцев, специально повел их не через Элиду, чтобы не соблазнять их плодородием почвы и возделанными землями этой области, но через Аркадию. Путь через Аркадию, почему-то подвергаемый сомнению современными исследователями, представлялся вполне естественным, так как выводил непосредственно на берег Арголидского залива, к северу от Кинурии⁵. Этим же путем, только в обратном направлении, впоследствии прошел в Ахайю сын Ореста, Тисамен, после изгнания ахейцев из Арголиды. Исследователи, отрицающие путь через Аркадию и предполагающие, что вторжение дорийцев произошло со стороны моря (см. ниже), обращают внимание на факт занятия Теменом местечка Темения на северном берегу Арголидского залива, откуда он и овладел Аргосом⁶. На основании этого факта делают предположение, что

¹ Наиболее систематическое изложение предания дает Аполлодор (II, 8, 1 сл.); ср. Dio d., IV, 57 сл.

² Другие авторы определяют время дорийского переселения иначе, давая более ранние (Тимей — 1154/3 г.) или более поздние даты (Исократ и Эфор — 1069 г.); археологические данные свидетельствуют об основании дорийской Спарты не ранее X в. Ср. Р. Шмидт, ук. соч., стр. 59.

³ Paus., V, 3, 6; X, 38, 10.

⁴ Нер., VIII, 73; Ephor., fr. 15; Strabo, X, 3, 2, стр. 463—464; Paus., V, 4, 1 сл.; ср. Soun., 473 сл., 529.

⁵ V. Ehrenberg (RE, III, 1379) предполагает, что путь через Аркадию проходил по долине реки Алфея.

⁶ Strabo, VIII, 6, 2, стр. 368; ср. Paus., II, 36, 6 и 38, 1.

именно в Темении состоялась высадка дорийцев. Но если, как сказано, дорийцы могли выйти через Аркадию к берегу Арголидского залива, то и в таком случае путь их на Аргос проходил через тот же Темений. После захвата Микен и Аргоса дорийцы направились на север и овладели всей северо-восточной частью Пелопоннеса — Трезеном, Эпидавром, Сикионом, Флиунтом, позже других Коринфом¹, причем и при взятии Коринфа предварительно был захвачен господствующий над местностью холм Солигей (Thuc., IV, 42,2).

Завоевание Лаконики и Мессении не прошло так же быстро и гладко, как захват восточных и северо-восточных областей Пелопоннеса. Традиция сохранила немало сведений о занятии отдельных городов и местечек Лаконики². Столица Менелая была разорена и предана огню. Новый город Спарта возник на противоположном берегу, на месте, где в микенскую эпоху не существовало никаких поселений³. Другие центры держались долее. Особенно упорно оборонялся г. Амиклы, осада которого длилась до середины VIII в. (Paus., III, 2,6)⁴.

Часть побежденных ахейцев удалась через Аркадию в Ионию (позднейшую Ахайю)⁵, часть была порабощена и превращена в илотов⁶. Мессения также была завоевана и, как известно, согласно преданию, досталась второму сыну Аристомена Кресфонту. Дворец в Пилосе, как о том свидетельствуют археологические данные⁷, одновременно с другими микенскими центрами подвергся полному разрушению и с тех пор более не заселялся. Спротивление населения здесь, однако, было еще более длительным и упорным, нежели в Лаконии.

Последствием дорийского завоевания было изгнание ионийцев из Пелопоннеса. Из северного Пелопоннеса, носившего первоначально название Ионии, они были изгнаны ахейцами, вытесненными из Арголиды и Лаконики и предводимыми сыном Ореста Тисаменом. Хотя Тисамен пал в битве, но ионийцы были разбиты, осаждены в Гелике и затем были вынуждены удалиться из Пелопоннеса⁸. В северо-восточном Пелопоннесе область, занимавшаяся до того ионийцами Акте (побережье между Трезеном и Эпидавром), также теперь захвачена дорийцами⁹. Наконец, ионийцы в Кинурии подпали под власть дорийского Аргоса и были в конце концов доризированы (Her., VIII, 73). Продвигаясь на север, дорийцы проникли в область Мегариду, принадлежавшую до того афинянам, и доходили до самих Афин. Хотя от Афин они были отбиты (см. ниже), однако Мегарида была для Афин потеряна, и здесь был основан дорийский город Мегары¹⁰.

Только после занятия Мегариды, чем завершено было завоевание всего Пелопоннесского полуострова, включая Истм, снаряжены были экспедиции для захвата Крита, Родоса, Коса и других

¹ Paus., II, 6, 7; 13, 4; 29, 5; 30, 10.

² См. Р. В. Шмидт, ук. соч., стр. 57.

³ Ath. Mitt., XXXIV (1909—1910), стр. 4—11; ср. также XXXI (1906—1907), стр. 118—126; LI (1926—1927), стр. 55—57.

⁴ Ср. раскопки в Амikleоне — Ath. Mitt., LII (1927).

⁵ Her., VIII, 73; Paus., III, 2, 6; V, 1, 4; VII, 1, 5; Strabo, VIII, 5, 4, стр. 365.

⁶ Strabo, VIII, 5, 5, стр. 365; Paus., III, 2, 7; 20, 6; Athen., VI, стр. 265 (Феопомп).

⁷ См. C. W. Blegen a. Kourouniotis, Excavations at Pylos, AJA, XLIII (1939), стр. 561 сл.; ср. H. F. Wade-Gery, The Dorian invasion. What happened at Pylos, AJA, LII (1948), 1, стр. 115—118.

⁸ Paus., VII, 1, 7—9; Strabo, VIII, 5, 4 стр. 365; ср. VIII, 1, 2, стр. 333.

⁹ Paus., II, 30, 10; 29, 5; Strabo, VIII, 8, 5, стр. 389.

¹⁰ Strabo, XIV, 2, 6, стр. 653; ср. VIII, 1, 2, стр. 333.

островов¹, после чего дорийцы распространились вдоль южного берега М. Азии вплоть до Памфилии.

Античная традиция, таким образом, дает вполне четкую и определенную картину последовательного хода племенных передвижений, вызванных «дорийским переселением», притом картину, почти свободную от каких-либо сказочных и легендарных элементов. Напротив, сообщаемые ею подробности, как военная хитрость Темена, уловка Оксила, направившего дорийцев через Аркадию, как занятие определенных господствующих над местностью пунктов при осаде городов, вполне реалистичны и жизненны. И тем не менее многие современные исследователи видят в традиции о дорийском переселении искусственную реконструкцию и не признают за нею исторического значения. На это можно возразить, что она во всяком случае не является голый реконструкцией, но что в основе ее лежат народные предания, восходящие ко времени Тиртея, а вероятно, и много ранее. Данные самого предания, однако, никем специально не анализируются и не разбираются. Одни, как Эд. Мейер (см. выше) и Карштедт², ограничиваются голым отрицанием. Доводы других носят слишком общий характер, чтобы можно было их принимать всерьез. Так, указывают (Белох, Мильтнер), что Дорида представляла слишком незначительную по своим размерам область, чтобы она могла послужить исходным пунктом для столь обширного предприятия. На это можно возразить, во-первых, что дорийцы занимали не только Дориду, но и прилегающую к ней область Пиндских гор; не следует, во-вторых, преувеличивать численность дорийцев, участвовавших в походе; античные источники, напротив, говорят об относительной малочисленности дорийцев³. Исократ называет даже слишком незначительную цифру участников дорийского похода (две тысячи — *Isocr.*, XII, 255). Далее, дорийцы предпринимали свой поход не одни, но совместно с другими родственными им северо-западными племенами. Наконец, свидетельство античных источников, начиная с самых ранних, относительно Дориды, как исходного пункта и метрополии пелопоннесских дорийцев, настолько многочисленны и единодушны, что сомневаться в их достоверности не приходится.

Говорят далее, что путь на Плавпакт был неосуществим вследствие мер, принятых пелопоннессцами для его обороны (Мильтнер). Но мы знаем уже о военной хитрости, с помощью которой Темену удалось отвлечь пелопоннессцев от Плавпакта к Истму. С другой стороны, нам ничего неизвестно относительно каких-либо мер к укреплению и защите южного побережья Коринфского залива. Археологические данные показывают, что ввиду начавшихся с конца XIII в. миграционных движений (возможно, в связи с первым нападением дорийцев на Истм) были приняты меры к созданию новых оборонительных сооружений в главных центрах — Тиринфе, Микенах, Афинах. Однако в то же время никаких оборонительных мероприятий более общего характера, повидимому, не предпринималось. Никаких следов укрепления горных проходов, ни даже Истма, не обнаружено⁴.

¹ Страбон (XIV, 2, 6, стр. 653) точно определяет дату занятия Крита и Родоса после основания Мегар и смерти Кодра. Дидор (V, 80, 3) сообщает менее определенно о занятии Крита и других островов аргосцами и лакедемонянами после «возвращения Гераклидов».

² U. Karstedt, Die Nationalität der Erbauer von Mykenae und Tiryns, NJKA, 22 (1919), стр. 72 сл.

³ Страбон (VIII, 1, 2, стр. 332) говорит: Τους Δωρῆας δὲ ὀλίγους ὄντας; ср. VIII, 5, 4, стр. 364, со ссылкой на Эфора:... διὰ τὴν Λευκανδρίαν.

⁴ I. F. Daniell, The Dorian invasion. The setting, AJA, LII (1948), 1, стр. 108—109; относительно Афин — O. Bronner, The Dorian invasion. What happened at Athens, там же, стр. 11 и 13.

Некоторые современные исследователи, следуя модному гиперкритическому направлению, совершенно отрицали факт дорийского переселения (Белох и примыкающие к нему Карштедт и Парети, см. выше). Другие, как Эд. Мейер (GdA, II, 1, стр. 570 сл.) и Мильтнер¹, не идут так далеко. Они признают факт вторжения дорийцев в Пелопоннес; Мильтнер согласен даже рассматривать предание о Гераклидах, отрицаемое, как мы видели, Мейером, в качестве исторического источника, поскольку оно не противоречит его собственным измышлениям (ук. соч., стр. 56 сл.). Однако Эд. Мейер и Мильтнер признают лишь голый факт дорийского переселения, решительно отвергая в то же время сообщения античной традиции относительно последовательного хода и путей этого переселения. Отрицая основанные на древних преданиях реконструкции античных авторов, оба исследователя взамен их создают свои реконструкции, уже ровно ни на чем не основанные. Оба одинаково не признают возможным путь через Навпакт и через горы Ахайи и Аркадии, хотя именно этот путь не только засвидетельствован античной традицией, но и представляется наиболее вероятным, как потому, что Навпакт находился на территории союзников дорийцев и непосредственных участников похода эолийцев, так и потому, что такой путь был вполне естественным для дорийцев, обитавших в горной местности Дориды, куда они проникли с гор Пинда.

Вместо этого вполне естественного и, в сущности, единственно возможного для горцев пути оба исследователя предполагают совершенно необычный для горных племен (притом в сопровождении семей) морской путь. Не имея для такого предположения никаких данных в античной традиции и располагая поэтому полной свободой выбора, Эд. Мейер и Мильтнер направление морского пути дорийцев определяют совершенно различно. Эд. Мейер ведет дорийцев к берегам Малийского залива и затем морским путем на Крит и только оттуда к берегам Арголиды (ук. соч., стр. 570 сл.). Путь дорийского переселения, устанавливаемый Мильтнером, еще более фантастичен. Вытесненные с первоначальной своей родины и отесненные в сторону Пинда, дорийцы направились оттуда не на юг в сторону Дриопиды и затем Дориды, как сообщает античная традиция, но на запад до побережья Ионического моря, оттуда на о-ва Керкиру и Левкаду и далее, огибая Пелопоннесский полуостров и мыс Малю, на остров Крит и, наконец, проделав этот кружной путь, высадились на берегу Арголиды. Трудно представить себе что-либо более фантастическое и менее правдоподобное, нежели эти измышления Эд. Мейера и в особенности Мильтнера.

Античная традиция, как известно, утверждает, что Аттика не подвергалась нападению со стороны дорийцев. Предание о самоотверженной смерти царя Кодра, вероятно, не более как заключительный эпизод, которым закончилось завоевание Мегариды дорийцами, после чего дорийцы повернули обратно. Никаких следов нападения дорийцев от этого времени на Акрополе не сохранилось. Археологические данные, напротив, свидетельствуют о спокойном и ничем не нарушаемом течении жизни в Афинах послемикенского времени².

Заселение западного побережья Малой Азии традиция также связывает с дорийским переселением. Часть эолийского населения Фессалии (бывшей Эолиды), спасаясь от нашествия фессалийцев, устремилась на остров Лесбос и затем на противоположащее северо-западное побережье

¹ F. Miltner, Die dorische Wanderung, «Klio», XXVII (N. F., IX) (1934), стр. 54—68.

² O. Broneer, The Dorian invasion. What happened at Athens, AJA, LII (1948), 1, стр. 113—114; ср. K r a i k e r und K ü b l e r, ук. соч.

Малой Азии. Иония заселена была разноплеменными беглецами из Пелопоннеса — ионийцами, ахейцами, эолийцами, причем обычным сборным местом и исходным пунктом колонизации служили для них Афины. Не останавливаясь на частностях (тем более что местные предания об основании отдельных городов в значительной мере искажены позднейшими реконструкциями), отметим лишь основные этапы этой колонизации, как они нашли себе отражение в античной традиции. Заселение Эолии, согласно традиции, на четыре поколения (100—120 лет) предшествовало колонизации Ионии¹. Этим общим сведениям вполне соответствуют и данные предания, связывающего колонизацию Лесбоса и Эолии с именем Ореста² и его ближайших потомков — сына Панфила (Strabo, XIII, 1, 3 стр. 582) и внуков³, тогда как колонизация Ионии приписывается прежде всего сыновьями Кодра, смерть которого, согласно традиционной хронологии, приходится на 1068 г., т. е. почти на сто лет позже. Факт более ранней колонизации Эолии вполне соответствует тому обстоятельству, что и миграция на почве греческой метрополии началась именно с передвижения фессалийцев.

В античной традиции можно найти указание на основную характерную особенность колонизации Малой Азии, отличающую ее от колонизации последующего времени: в то время как позднее в качестве метрополий выступают определенные города, колонизация Малой Азии носит еще определенно выраженный характер племенных миграций. В качестве основателей малоазиатских городов называются не определенные городские центры, но различные племена, причем если в колонизации Эолии участвует только одно племя — эолийцы, то в отношении колонизации Ионии специально отмечается ее смешанный племенной характер. Геродот отмечает, что в колонизации Ионии, наряду с ионийцами из Аттики, принимали участие другие племена — орхоменские минийцы, кадмейцы, дриопы, фокейцы, аркадские плебасы, эпидаврийские дорийцы и др. (Her., I, 146). К этому надо добавить также еще эолийцев, поскольку Кодриды, возглавлявшие основание большей части колоний, принадлежали к эолийскому роду Нелидов. И это относится не только к колонизации в целом, но и к основанию отдельных городов, совершившемуся в большинстве случаев при участии нескольких племенных групп.

Такой смешанный характер участников колонизации находит себе объяснение лишь в том обстоятельстве, что колонизация направлялась из Афин, в которых скоплялись беженцы из различных местностей и различной племенной принадлежности. О скоплении беженцев в Афинах свидетельствует Фукидид (I, 2, 6). Сюда стекались прежде всего ионийцы из Пелопоннеса, но также и представители других племен. Многие аристократические роды Аттики вели свое происхождение от эолийских, минийских и ахейских иммигрантов, переселившихся в Аттику, согласно традиции, именно в связи с племенными миграциями XII в.⁴ Вспомним о кадмейском роде Гефиридов, о котором шла речь выше. Мессенин Меланф из эолийского рода Нелидов сделался даже царем в Афинах, ему наследовал его сын Кодр, сыновьям же последнего даже приписывалась исключительная роль в колонизации малоазиатского побережья⁵.

Время колонизации античная традиция на основании позднейших реконструкций относит ко второй половине XI в. Археологический мате-

¹ Strabo, XIII, 1, 3, стр. 582 и XIV, 1, 3, стр. 632 со ссылкой на Ферекида.

² Pind., Nem. XI, 34; Hell., fr. 114.

³ Strabo, XIII, 1, 3, стр. 582; Paus., III, 2, 1; ср. Athen., XI, стр. 466с.

⁴ См. J. Töpffer, Attische Genealogie, В., 1889.

⁵ О значительном увеличении населения Афин в период времени, последовавший за дорийским завоеванием, свидетельствуют и археологические данные, ср. Krag and Kübler, ук. соч., стр. 177 и H. L. Lorimer, ук. соч., стр. 105.

риал свидетельствует, новидимому, о более позднем утверждении здесь греков (в период развитого геометрического стиля)¹. Наличие более раннего материала, относящегося к протогеометрическому и частью к субмикенскому времени, засвидетельствовано лишь в отношении некоторых отдельных пунктов, например, Милета², Самоса³. Очевидно, колонизация Ионии представляла длительный процесс. Необходимо учитывать, что она происходила не на пустом месте и что греческим колонистам приходилось выдерживать упорную борьбу с местным населением, прежде чем им удавалось утвердиться на месте. Лоример (ук. соч., стр. 31) предполагает, что за первым появлением греческих колонистов последовало отступление и затем снова медленное наступление. О длительности и постепенности освоения малоазийского побережья свидетельствует тот факт, что в основании многих городов участвовали уже основанные ранее города Ионии. Так, в основании Клазомен принимали участие колофонцы, в основании Эфеса, отнятого у карийцев, — самосцы и теосцы. Призна и Миунт основаны при участии милетян. В занятии Смирны, принадлежащей ранее эолийцам, приняли участие колофонцы и эфесцы.

Заканчивая на этом обзор данных античной традиции относительно миграций XII в., мы можем констатировать, что она дает не менее четкую и определенную картину перемен, происшедших в результате миграций, чем в отношении распределения греческих племен на территории микенской Греции. При этом, вопреки не обоснованному утверждению проф. Георгиева, что эллины участвуют в миграции XII в. в качестве единого нерасчлененного на отдельные племена и диалекты народа⁴, античная традиция показывает, что в миграционных процессах XII в. все основные различные по диалектам племенные группы фигурируют в качестве активных или пассивных участников этих процессов. В последующее время происходит не распадение на особые диалекты, как полагает проф. Георгиев, а постепенное развитие государственной жизни в форме обособленных полисов, вместе с чем племенные деления по признаку особых диалектов все более отходят на задний план и утрачивают свое первоначальное значение. Античная традиция далее показывает, что миграции носили чисто местный характер и число участников даже основной миграционной группы дорийцев было относительно невелико и что говорить, таким образом, о вторжении целого народа никак не приходится. Население некоторых областей, как Аттики и Аркадии, вообще не было непосредственно затронуто миграционными передвижениями.

На вопросе о данных диалектов позднейшего времени для решения вопросов первоначального распределения греческих племен мы остановимся в следующем очерке.

¹ H a n f m a n n, Archaeology in Homeric Asia, AJA, LIV (1948), стр. 145 сл., на основе односторонне подобранного и истолкованного материала устанавливает чрезмерно низкую дату заселения Ионии греками — в конце VIII в. или даже около 700 г.

² W e i c k e r t, Bericht von dem VI internationalen Kongress für Archäologie, табл. XXV; ср. G e r k a n und W e i c k e r t, Bericht III über internationalen Kongress für Archäologie, стр. 314, 325 сл. табл. XXIV сл.

³ T e c h n a u, Athen. Mitt., LIV (1929), стр. 7; B u s c h o r und S c h l e i f, там же, LVIII (1933), стр. 146 сл., ср. AA, 1933, стр. 251 и 1938, стр. 580.

⁴ Такое утверждение глубоко неправильно и с чисто методологической точки зрения. Путь развития идет не от единой народности к распадению ее на различные племена, а, напротив, к слиянию племен в единую народность. Ср. И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1951, стр. 12.